

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЗАПИСКИ

Журнал русской литературы

КНИГА ПЯТИДЕСЯТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Евгений СТЕПАНОВ. **От редакции** 3

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Сергей КАРАТОВ. **В одном кругу**. Стихотворения 4

Валерий СУХОВ. **Болдинский осенний сев**. Стихотворения 8

Александр БАЛТИН. **Кружево снега**. Стихотворения 13

Евгения СТЕПАНОВ. **Смысл жизни**. Стихотворения 14

Александр ВЕЙЦМАН. **Израильский парад**. Рассказ 16

КОРОТКАЯ ПРОЗА

Татьяна ЯНКОВСКАЯ. **Из новых рассказов-недоростков**. Рассказы 22

ИСТОРИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ

Ольга ЛЮБИМОВА. **Как все было на этой земле**. Очерк 29

ЮБИЛЕЙ КЛАССИКА

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА. **Прославлять свое отечество...**
(Статья к 205-летию великого русского писателя И. С. Тургенева) 34

ШТУДИИ

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА. **Лесков о роли духовенства**. Статья 38

Коротко об авторах 62

декабрь, 2023

ЖУРНАЛ
СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ИЗДАТЕЛЬ
ХОЛДИНГОВАЯ КОМПАНИЯ
«ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»
(Генеральный директор Евгений СТЕПАНОВ)

Главный редактор
Евгений СТЕПАНОВ (Россия)

Редакционная коллегия
Людмила АГЕЕВА (Германия)
Борис ВАЙНБЛАТ (Германия)
Лилия ГАЗИЗОВА (Россия)
Андрей ГРИЦМАН (США)
Вера ЗУБАРЕВА (США)
Семен КАМИНСКИЙ (США)
Наталья КРОФТС (Австралия)
Евгений СТЕПАНОВ (Россия)

Компьютерная верстка
Ирина РАКИТИНА

Контакты
Бизнес-центр «Калейдоскоп»
Россия, 115230, Москва, Хлебозаводский проезд,
д. 7, стр. 9, офис № 12 (7 этаж)
Редакция журнала «Зарубежные записки»
Степанову Евгению Викторовичу
Тел. в Москве: (495) 978 62 75
Сайт журнала: <http://z-zapiski.ru>
Эл. адрес редакции: stepanovev@mail.ru

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

От всей души поздравляю вас с наступающим Новым годом! Здоровья вам и новых творческих успехов! И, конечно, мирного всем нам неба над головой!

Пусть процветают Союз писателей XXI века, ПЛК (Профессиональные Литературные Курсы), телеканал и телекомпания «Диалог», холдинг «Вест-Консалтинг» — наша большая и дружная семья!

В уходящем году мы освоили новый вид деятельности — кинопроизводство — и выпустили два полнометражных игровых фильма на студии холдинга «Вест-Консалтинг» «Диалог» — это картины «Христос-Человечество» и «Основной вопрос», в которых снялись в том числе и наши авторы. Я очень рад, что сумел поставить как режиссер эти важные для меня фильмы, которые получили хорошую прессу.

Но, конечно, по-прежнему издательская деятельность для нас на первом месте. И мы не намерены сбавлять обороты.

В следующем году мы планируем выпустить порядка ста книг — это и стихи, и проза, и мемуары, и научная литература. Это наш традиционный ежегодный план.

Периодичность выпусков наших изданий на 2024 год такова: «Зинзивер» — шесть номеров в год; «Дети Ра» — шесть номеров в год; «Футурум АРТ» — два номера в год; «Зарубежные записки» — два номера в год. Что касается наших газет, то периодичность «Литературных известий» не изменится — двенадцать номеров в год. Газета общественных организаций МИД РФ «Наша Смоленка», которая верстается в издательстве «Вест-Консалтинг», и газета «Поэтоград» в 2024 году также будут выходить ежемесячно.

Журнал «Зарубежные записки», как всегда, будет ориентирован на русскую литературу, которая создается в метрополии и за рубежом.

Оставайтесь с нами!

*Евгений СТЕПАНОВ,
главный редактор журнала «Зарубежные записки»,
руководитель холдинга «Вест-Консалтинг»
и Союза писателей XXI века*

В ОДНОМ КРУГУ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

НЕЗЕМНАЯ

Она одна здесь неземная
В геологическом отряде.
Луна, как лодка надувная,
Плывет по краю водной глади.
Звучит пластинка с рио-ритой,
В палатке на ночь чай с морошкой,
Она щеки моей небритой
Слегка касается ладошкой.
У моря новый день встречая,
Душа предчувствует цунами...
Я ничего не обещаю,
Не знаю сам, что будет с нами.
Все неземные девы кротки,
Мы каждой новой
встречи ради
С ней уплываем в желтой лодке
По краю тихой водной глади.

НОЧНОЙ ПОЛЕТ

На самолете в час ночной
От звезд Кремля лечу к небесным —
То над излучиной речной,
То над дорогою железной.

А дальше россыпи огней,
Поселки слиплись, города ли?
Чем глуше, тем они родней.
Но их проглатывают дали.

Шар ближе к ночи остывал.
Сосед посапывал в дремоте.
О, как бы Пушкин ликовал,
Вдруг оказался он в самолете!

Здесь не Кавказ, а целый мир
Открылся б трепетному взору;
Какой бы он духовный пир
Мог закатить в ночную пору!

Вот мир, и ты его открой,
Найди к нему свой ключ с секретом...
Прекрасно зависать порой
В пространстве
между тьмой и светом.

На высоте не одиноко
И сожалений нет пустых,
И мысль, достойная пророка,
Придет в суждениях простых.

...Крыло от напряженья пело,
Ночное бдение верша.
Почти не чувствовалось тело,
Преображалась в свет
душа.

ПРИМЕР СОСНЫ

Посвящается внуку Даниле

Два дерева показываю внуку,
Он с ними вместе рос в одном дворе.
У жизни надо постигать науку,
По дуплам и по трещинам в коре.

Сосна еще не стала выше дуба.
Принес, когда ей было года три.
Дуб затенял безжалостно и грубо —
Сосна пробила крону изнутри.

Борьба идет и над землей, и в недрах,
Даю совет:
Все делай по уму,
Каким бы мощным ни казался недруг —
Не уступай ни в чем и никому.

МЕЧТАТЕЛИ НОЧНЫЕ

Мы с ежиком в одном кругу,
Одну влачим беспечность.
На небо глядя, не могу
Представить бесконечность.

В кустах орешника, в углу,
Прижился друг мой пеший.
Я приглашал его к столу:
Он веселей, поевший.

Меж облаков, дымов печных
Порхали метеоры,
У двух мечтателей ночных
Притягивая взоры.

Как на ладони, вся видна
Любая жизнь дневная.
В ночи — такая глубина!
Нет ни конца, ни края.

Мы столько тем в полночный час
Обсудим, друг прелестный.
Не знаю, что тебе до нас,
Читатель неизвестный?

Он скоро отойдет ко сну,
Скучая, ждать я стану,
Когда прикатит он весну,
Толкая неустанно.

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ

В подрамнике окна картина Левитана:
Краснеет клен и тополь серебрист,
И дождь по крыше ходит неустанно,
И ветер с дуба рвет и топчет лист.

А вдалеке, столь непривычный взору,
Осенний лес укрылся синевой,
Спускается к дороге с косогора
Мужчина с кучерявой головой.

Какое благовремение было
Даровано художнику в тиши.
Природы вдохновляющая сила
Вела к мольберту, говоря:
— Пиши!

Над омутом, над вечным ли покоем,
Писал, макая в краски жизни
Кисть
Коровы шли, влекомы водопоем,
И бабы следом, сетуя на жисть.

Живет себе деревня вдалеке,
Забывтая, едва латая дыры,
И церковь отражается в реке,
И золотая осень на полмира!..

РАЗГОВОР С РУЧЬЕМ

Пребывая в горном одиночестве,
Думая о смысле бытия,
Забывал об имени и отчестве,
И о том, зачем на свете я?

Мог не появиться... И от этого
В мире б не случилось ничего.
Но и слово звучное поэтово
Все-таки украсило б его...

Да, оно не веско, как банкирово,
Не всесильно, как царев указ;
Словно бы свечение альтайрово
Слово привораживает нас.

Все мы к звездам тянемся неистово,
У любого выбран свой кумир.
Не свернул поэт с пути кремнистого.
Мне мой путь укажет Альтаир.

Восседаю на горе хрустальной,
Наслаждаюсь голосом ручья;
Разговор мой с ним исповедальный:
Взятый из контекста бытия.

БОЛДИНСКИЙ ОСЕННИЙ СЕВ

МАЛЕНЬКАЯ ПОЭМА

ГЕНИЙ МЕСТА

Глухомань степной России.
Там татары, там мордва.
Заволок туман Осинник.
Дождь до вечера с утра.

Грязь в деревне по колено.
И курных избушек дым.
Заточен вития в стенах.
Будь он проклят, карантин!

Ждет в Москве его невеста.
Иль не ждет? — Душа болит!
Не находит гений места
И холеру так бранит!

Ночь чернее, чем овчина.
Далеко отсель Париж.
Из Лучинника лучина,
Что неясно так горишь.

Не узнать совсем повесы...
От житейской кутерьмы
Ему ночью снятся бесы.
Русь является из тьмы.

СВАДЬБА ПОХОРОН

Бесы здесь и бесы там уж.
Бездна мрака без огня.
Выдавали ведьму замуж,
Домового хороня.

Обернули гроб рогожей
И на дрогах повезли.
На поминках, скорчив рожи,
Заплясали: «Ай-лю-ли!»

Долетела до Содома
Ведьма, сев на помело.
Домовому под соломой
Так уютно и тепло.

Что ему не веселиться,
Если свадьба похорон
Вьюгой бешеной кружится
На Руси — со всех сторон!

РУССКИЙ БУНТ

Самодуровка! Бунтовка!
Кистенево с кистенем!
Есть для барина веревка.
Мы на суд его сведем.

В красном — царь-палач на троне.
Он сегодня на коне.
Саблей так тоску разгонит —
Полыхнет вся Русь в огне.

Гнева едкая ответка.
Зернышка горчичный жмых...
С душегубом едет клетка.
В поле мертвых нет живых.

Русский бунт, он беспощаден
И бессмысленно кровав.
«Люди добрые, прощайте!
И простите, в чем не прав...»

Помолился, горько маясь,
Перед смертью царь, как тать.
Месяц дрогнул, поднимаясь,
Чтоб его четвертовать.

Звезды зажигались к ночи.
В сумерках белел помост.
На колени встала площадь.
По спине прошел мороз.

Стук глухой раздался — значит
Все в руках у палача.
В снег горячий кровью плачет
Голова у Пугача...

КАТОРГА ДУШИ

Где его холера носит?
Встал ни свет и ни заря...
Длится Болдинская осень
С августа до декабря.

Перьев сточены оглодки.
Снег от строчек зарябил.
Опьянел он, как от водки,
От орешковых чернил.

В ноздри бьет знакомый запах.
Выпил бы, да закусил...
Нет, всю ночь, как раб, царапал.
И откуда столько сил?

Тридцать лет. Уже не мальчик.
Тяжка каторга души?
За спиною смерть маячит,
Потому— спеша — пиши!

Есть стихи, а есть и проза.
Так царуй же, гой еси!
А горюхинские слезы —
Это слезы всей Руси.

ТРАВЛЯ

Видно, жить нельзя иначе.
Сжег главу — осталась гарь.
Медный всадник в поле скачет.
Затравил поэта царь.

Был женой к двору приближен
Камер-юнкер, уж седой.
Едкой почестью унижен.
Окружен тупой толпой.

И «Ату!» — орут уроды.
Погоняет бесом бес:
Гадкий Карла Нессельроде
И бессовестный Дантес.

Эх, судьба! Орел иль решка?
Бал за балом. «Ай-лю-ли».
Ведьмы видится усмешка
И в улыбке Натали.

Дон Гуан не знал: придется,
Что посеял — пожинать...
И с диплом рогоносца
Можно жить да поживать!

Да, для травли есть раздолье
В чистом поле на Руси.
Ох, горюхинское горе!
Царь с поэтом — гой еси!

БОЛДИНСКИЙ ОСЕННИЙ СЕВ

Побежден жестоким веком?
Щей горшок да сам большой.
Золотой прокукарекал
На рассвете петушок.

Сколько жить на свете этом
Остается, стихоплет?
Делает судьба поэтом,
А не книжный переплет!

Рукопись с автопортретом.
Тучи строчек. Месяц — лик.
Вырван из тетради ветром
Вечный млечный черновик...

Это — Болдинская осень?
Да, во всей своей красе...
Как взошел многоголосьем
Болдинский осенний сев?

Так. Сама собой слагалась
Жизни будничной скрижаль.
В Болдино душа осталась.
Здесь живи! Не уезжай!

МОРОШКА

Смерть ждала у Черной речки.
На сугробы пала тень.
Закатилось солнце речи.
Сумрачный кончался день.

И от мук невыносимых
Жить совсем не стало сил...
Перед смертью у России
Он морошки попросил.

«Царской ягоды» кислинка.
У нее терновый вкус.
Под окном в слезинках-льдинках
Замерла седая Русь.

Потому у Черной речки
От рябин — кровавый снег...
Умирал по-человечьи
И врагов простил он всех.

Так почил поэт, раб Божий...
И от смуты, от греха,
Гроб прикрыв его рогожей,
Ночью увезли — в снега.

На душе расейской тошно.
Или в петлю иль терпи...
И рассыпалась морошка
По заснеженной степи.

2023

КРУЖЕВО СНЕГА

* * *

Виноват ли в скудости
Жизни ты своей?
Одолеют трудности —
Их преодолей...
А не получается...
Падает листва...
И в тебе кончаются
Для стихов слова...

* * *

Упорство не вознаграждается,
Труд постоянный не у дел.
Но длится жизнь, преображается,
Насколько ты стихи сумел
Ввести в действительность обычную,
Развернутую в сто рядов.
И чувствуешь игру отличную
Слов, а порою мнится — снов.

* * *

Кружится кружево снега,
Время его пришло.
Действует властно и нежно,
Действует так хорошо.
Мерно меж веток мерцает.
Великолепны огни.
Жизнь постигать помогают
Ныне они.

СМЫСЛ ЖИЗНИ

ДУША

Если душа бессмертна,
значит — страдания не закончатся никогда.
Так?
Это хорошо, что я ничего в этой жизни не понимаю.

ЧЕТЫРЕ КОШКИ

В доме у меня четыре кошки.
Лечат меня, когда я заболеваю.
Почти как бригада скорой помощи.

ОТЕЦ ПИКАССО

Отец Пикассо
любил рисовать голубей.
Отрезал у голубей лапки,
прибивал их к стене
и рисовал, рисовал...
Добивался сходства...
Он очень старался.
Но выдающимся художником он не стал.
И не мог стать.

2022

ЛЕКАРСТВО

Пишу стихи — заговариваю боль. Все очень просто.

2020

ВОТ, СОБСТВЕННО, И ВСЕ

Меня убивали, а я писал стихи. Вот, собственно, и все,
что я могу рассказать о своей жизни.

2021

ВО ВЕСЬ ГОЛОС

Тихо, спокойно, откровенно...
Может быть, тогда что-то сможешь сказать во весь голос...

2020

А ЧТО ЕЩЕ

Душа. Судьба. Словарный запас-рифма-метафора.
А что еще нужно поэту?

2020

РАЗНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ОДНОГО И ТОГО ЖЕ ЯВЛЕНИЯ

Дождь. Дождь. Дождь. Смородина приободрилась.
Клубника припала к земле.

2020

ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК

Хороший человек умер от сердечной... переизбыточности.

2017

СМЫСЛ ЖИЗНИ

Охраняю щебечущий скворечник с птенцами от хищной
кошки. Я знаю, в чем смысл моей жизни.

2020

ИЗРАИЛЬСКИЙ ПАРАД

1.

Ежегодный израильский парад, точнее, не израильский, а парад в честь государства Израиль, проходивший не в Тель Авиве, не в Иерусалиме, а в центре Манхэттена, то есть на Пятой авеню, вдоль парка, вдоль зданий с дорогими квартирами и музеями с бесценными картинами, вдоль магазина Apple и отеля Плаза, где снимали знаменитый фильм «Один дома», — так вот, этот самый ежегодный израильский парад в 2022 году был омрачен смертью Джонатана Сассмана.

Парад до этого отменяли два года подряд из-за неизбежных последствий Ковида, которым переболели почти все евреи и неевреи Нью-Йорка. А тут новая беда!

У Джонатана было больное сердце: в самое неподходящее время его вены и артерии отказались функционировать, что привело к обширному инфаркту.

Впрочем, возможно, что у него случился инсульт, так как сосуды тоже были никудышными, о чем свидетельствовало повышенное давление, особенно в те дни, когда из сектора Газа летели ракеты в сторону израильских городов.

Как бы там ни было, Джонатану стало плохо между 59-й и 60-й улицами.

Шагающая рядом Рэчел Пеллер, которая училась с братом Джонатана в Принстоне, приостановилась и в ужасе воскликнула:

«Постойте, это же Джонатан Сассман. В прошлом году он пожертвовал более ста пятидесяти тысяч для нужд нашей синагоги. Пусть кто-нибудь наберет 911».

2.

Семья Джонатана Сассмана славилась щедростью и благотворительностью. Дед нашего героя, Абрахам Сассман, шестнадцатилетнем пареньком прибыл в Нью-Йорк из какой-то географической точки бывшей Российской империи, затерянной на карте как сейчас, так и в том 1892 году, то есть еще во времена правления Александра Третьего, того самого царя, который утверждал, что у России нет других союзников, кроме армии и флота.

Сассман стал талантливым адвокатом, клиенты которого входили в высокопоставленный мир коррумпированного Нью-Йорка. Не менее семерых он спас от электрического стула, из-за чего впоследствии переживал и даже раскаялся, написав воспоминания, которые так и назывались: «Раскаяние талантливого адвоката».

Абрахам провел последние годы жизни, совпавшие с Великой депрессией и Второй мировой войной, финансируя колледжское обучение для малоимущих семей. Раз в неделю он лично выписывал чек для какой-нибудь семьи, сопровождал его письмом, в котором возлагал надежды на то, что эти деньги принесут счастье их получателям. За этим занятием — он держал в руках гусиное

перо, склонившись над очередным чеком — Абрахама и нашел мертвым его сын, Дэвид Сассман, 14 мая 1948 года.

Представляя Сассманов в следующем поколении, Дэвид поначалу продолжил дело отца в адвокатуре и даже попытался представлять в суде тех или иных уоллстритовских мошенников, но в итоге решил, что заработок может быть в разы больше, если он поменяет собственную профессию на профессию подсудимых, но при этом будет зарабатывать финансовый хлеб честно.

Так и вышло: имя инвестиционной фирмы Сассмана до сих пор вспоминают с уважением. Они вкладывали в компании, которые олицетворяли американскую экономику, вроде Ай-Би-Эм или Дженерал Электрик. Эти компании процветали, а с ними процветали США, что в свою очередь положительно отразилось на доходах Дэвида и в разы преумножило благотворительность в новом поколении. Если отец считал своим долгом помогать отдельным бедным американским семьям, то сын предпочитал проявлять себя финансово по отношению к государству Израиль, еще совсем юному в ту пору. Фонд «Сионисты Нью-Йорка» за сорок лет своего существования перевел в благословенный Израэль где-то двести семьдесят миллионов долларов, то есть свыше миллиарда по сегодняшним меркам. Еще при жизни Дэвида его именем назвали две улицы: в Иерусалиме и Бат Яме. Заболев онкологией в конце восьмидесятых, он мечтал умереть на одной из них, но, к сожалению, не получилось. Скончался Дэвид Сассман на Пятой авеню, в роскошном пентхаусе, двадцатью этажами выше того самого места, между 59-й и 60-й улицами, где в 2022 году во время израильского парада отошел в мир иной его сын.

Шагающий в тот день Алекс Перлстийн, который пересекался с Джонатаном на многочисленных еврейских мероприятиях в Нью-Йорке, приостановился и в ужасе воскликнул:

«Бог мой, это же Джонатан Сассман. Моя дочь живет в Иерусалиме на улице, названной в честь его отца».

3.

Филантропическая философия Джонатана Сассмана отличалась от благотворительности отца и деда. Сассман считал, что за инвестицией неизбежно следуют дивиденды, то есть каждый доллар, что он жертвовал, должен был приносить осязаемый результат.

Таким образом, он предпочитал давать деньги на, скажем, строительство новой синагоги, или на конкретные программы внутри этой синагоги, когда само здание уже было возведено. Если к нему обращались с просьбой помочь малоимущим семьям, Джонатан обычно отвечал, что у него не было никаких гарантий, что его деньги помогут этим семьям перестать быть малоимущими, что само по себе делало помощь бесперспективной.

Исключения случались. Когда в конце восьмидесятых годов из Советского Союза начали приезжать десятки тысяч эмигрантов, Сассман пожертвовал около двадцати миллионов на их абсорбцию, точнее, на специальные программы по привлечению вчерашних атеистов к иудаизму. Идея заключалась в том, чтобы в обмен на ежемесячную субсидию в тысячу долларов семья должна была регулярно ходить в синагогу, учить иврит, погружаться в традиции, которыми была обделена коварной советской властью на протяжении нескольких десятилетий. По окончании годовой программы и двенадцати тысяч долларов новоиспеченные американцы должны были также стать новоиспеченными евреями, точнее новыми евреями, какими не были и не могли быть дотеле.

Проект провалился с треском. Из получивших двенадцать тысяч долларов семей, а таких было около двух тысяч, лишь несколько человек продолжили ходить в синагогу по истечении года.

Впрочем, термин «сассманский еврей» закрепился. Сам Джонатан считал, что подобным евреем слыл тот, кто обрел Бога по прибытии в Соединенные Штаты. С точки зрения самих сассманских евреев — это были те, кто вовремя сумели воспользоваться идиотизмом Джонатана Сассмана.

В день израильского парада, оказавшийся случайно рядом Павел Розенблит, один из многочисленных отпрысков сассманских евреев, увидел, как на его глазах упал тот самый человек, благодаря которому его родители лет тридцать назад получали ежемесячное пособие.

«Это он: тот самый козел» — пояснил он хромавшей рядом жене, Алле Розенблит. «Это он когда-то нам указывал, из какой посуды следует есть и как правильно смешивать мясное и молочное».

4.

Случались дни, а с ними недели и месяцы, когда Джонатан разочаровывался в собственной щедрости.

Во-первых, эту щедрость не ценили, а, наоборот, учитывая финансовые возможности семьи Сассманов, к началу двадцать первого века насчитывающие около двух миллиардов, принимали за данность и даже обвиняли Джонатана в том, что он недостаточно жертвует, особенно в сравнении с другими еврейскими филантропами. Это огорчало, но не останавливало Джонатана.

Во-вторых, как уже сказано выше, желаемых результатов не было. Евреи, живущие в диаспоре, которых Сассман пытался приобщить к большему еврейству, оставались безнадежно далекими от своих корней. Между тем, государство Израиль, в котором с еврейством вроде все было в порядке, оставалось бедным, невзирая на крупные вклады в его экономику, исходящие от Сассмана и благодаря тем, кого Джонатан лично лоббировал в американском Конгрессе.

Наоми Сассман, жена нашего героя, смотрела на результаты — на их отсутствие, точнее, — с большим оптимизмом. Результаты требовали времени: она понимала это, безусловно. Если не они сами, то их дети, с которыми Наоми и Джонатан не общались, или их внуки, о которых они не ведали, могли со временем увидеть благополучные еврейские плоды на израильском дереве или на деревьях других стран, где проживали представители еврейского народа.

В те дни, когда Джонатан порывался остановить некоторые безрезультатные проекты, Наоми всякий раз подавала голос разума. Денежные суммы, немалые причем, продолжали поступать по назначению.

Они вообще часто ссорились в последнее время и не всегда мирились.

Может, поэтому в тот самый роковой миг, когда Сассман упал между 59-й и 60-й, а Наоми подбежала к супругу, чьей вдовой она вот-вот должна была стать, именно в тот момент Джонатан произнес совсем не те последние слова, которые ей хотелось услышать.

В идеале Наоми надеялась, что ее муж будет умирать с именем Израиль на устах, воскликнув, что он сын еврейского народа, или напевая Хатикву, то есть гимн Израиля.

Вместо этого он всего лишь прокричал:

«Пошла на х.й, старая бл.дь!»

5.

Хотя эти слова были явно обращены в адрес Наоми, стоявшие рядом евреи и просто прохожие предпочли их не услышать. В конце концов, Джонатан мог обращаться не к жене, а к другой женщине, которую знал. Последняя могла принадлежать к когорте древнейшей профессии и также могла быть немолодого возраста.

Да и неважно это было на общем фоне жизни, совершенно случайно обравшейся. Огорчал не сам факт смерти, а именно то, что она случилась абсолютно случайно и абсолютно внезапно. Если бы теракт какой-нибудь произошел или громкое заказное убийство, так нет — самая обыкновенная биологическая смерть в неподходящее время.

Наоми, конечно же, могла поспорить насчет самого времени: насколько оно действительно было неподходящим. Никто, кроме нее, не знал, что на самом деле после сорока двух лет совместной жизни их брак находился под угрозой, в последнее время ее отношения с мужем доходили до разрыва, и Джонатан грозился переписать завещание. Наоми даже — об этом в столь трагический час было неприятно вспоминать — пару раз в сердцах желала ему смерти.

По-видимому, кто-то услышал ее молитвы.

С молитвами было сложно, впрочем.

Шагающий рядом Сол Клайн, некогда учившийся на раввина, а в наши дни являющийся совладельцем ювелирной компании по производству шестиконечных звезд с драгоценными камнями, остановился, и в тот самый момент, когда Сассмана погружали на санитарные носилки, произнес:

«Мы будем молиться о его наискорейшем выздоровлении».

Это было незачем: Джонатан был уже мертв.

6.

На протяжении сорока лет отношения Джонатана и Наоми были вполне сносными. Их объединяли сыновья, неизменные пудели, общие друзья из синагоги, светские приемы. Но потом произошло отчуждение, самое логичное и постепенное, когда раздражение доминировало любую беседу, а о сексуальной страсти говорить не приходилось.

Отравляло существование если не ложь, то ее подобие, не знавшее точного определения.

Например, Наоми слишком много времени проводила у массажиста Грэга в знаменитой Aire Ancient Baths. Джонатан понимал, что ничего серьезного там быть не могло, так как у фешенебельного заведения были свои правила, из-за которых работники не стали бы рисковать своим местом; к тому же, кто в своем уме мог позариться на его шестидесятисемилетнюю кикимору с полупылой головой!.. Но сам факт, что Наоми восторженно говорила о молодом человеке, как о сыне, и проводила с ним существенную часть досуга, раздражало (теперь уже) покойника.

Наоми в свою очередь раздражало, что Джонатан тяготился Нью-Йорком и против ее воли приобрел особняк в Майами, на неоправданно дорогом острове Фишер. Все больше времени он проводил на юге в одиночку, скитаясь, вероятно, по пустым комнатам (их было более двадцати семи) своей новой покупки, ни с кем не общаясь, за исключением таких же, как он, евреев, тоже одиноких в семейной жизни.

Один из них, Роберт Розендаль, был хорошим знакомым Дональда Трампа. Благодаря ему Джонатан Сассман стал вхож пусть не в ближний, но в крепкий дальний круг сорок пятого президента США.

Шагая по Пятой авеню и увидев новоиспеченного покойника, Роберт крикнул ему вдогонку:

«Куда ты, друг мой? Ведь у нас через неделю ужин в Мар-а-Лаго».

7.

Разлад с Наоми шел параллельно с потерей обоих сыновей. Джонатан и Наоми гордились своей безупречной еврейской родословной, ашкеназская кровь которой уходила к памятным временам задолго до нашей эры, когда весь еврейский народ стоял у подножия горы Синай в ожидании Торы. Оба подчеркивали необходимость браков с себе подобными, то есть с другими евреями. Выступая на разных еврейских конференциях, исполненный грусти Джонатан подчеркнуто напоминал, что более шестидесяти процентов браков являются смешанными на сегодняшний день. Наоми со своей стороны кокетливо вздыхала, что настоящей задачей каждого еврея была в том, чтобы не только дети женились на евреях, а и внуки тоже. Иначе, предостерегала она, иные еще при жизни засвидетельствуют крещение своих потомков.

Первый удар в семье Сассманов был нанесен не первенцем Ари, а Джошем, что было особенно болезненно, так как именно младший ребенок прошел через еврейскую школу, провел два лета в кибуце и даже подумывал сделать докторскую диссертацию по Холокосту в университете Брэндайс, но в последнюю минуту одумался и пошел учиться в Гарвард на адвоката, по стопам прадеда. Джош рос достойным сыном своего народа, что не всегда можно было сказать про Ари, который, невзирая на свое имя, часто отпускал неуместные шуточки о благотворительной деятельности родителей и других евреев из их синагоги.

Так вот, именно он, Джош-не-первенец, первым привел в дом Линду, подлец! Милая девушка, тоже из Гарварда, она училась то ли на экономиста, то ли на психолога, но в итоге, похоже, работать не собиралась, рассчитывая на финансовое положение семьи Сассманов. Мать девушки была из южной католической семьи, а про отца вообще никто ничего не слышал, сгинул он, когда Линда была еще малышкой, что, с точки зрения Джонатана и Наоми — иногда они соглашались — означало, что евреем отец не был.

Что до Ари, то его свадьба с официанткой Кристи последовала буквально через полтора года после брака Джоша и Линды. Они платонически дружили еще с седьмого класса, не рассматривая друг друга в ином качестве, потом на несколько лет их пути разошлись, а к тридцати пяти годам они снова встретились и случайно переспали. Переспали без особой страсти, буквально со скуки. Однако выяснилось, что на том внезапном эротическом холсте можно было изобразить некоторый семейный портрет. Не потому что другие холсты являлись недоступными, скорее, по причине взаимной усталости искать нечто неземное, а в случае Ари еще искать и еврейское.

Родители предпочитали не комментировать оба результативных разрыва с сыновьями. Не комментировали эту печальную ситуацию и сами дети, хотя бы потому что знали о ней абсолютно все из их манхэттенского еврейского мира, даже те, кто с Сассманами-старшими или младшими никогда не общался. Один из подобных отдаленных лиц, Сеймур Лейбовиц, остановился перед мертвым Джонатаном и обратился к нему без горечи, а потому объективно:

«Я понимаю, если бы твои мальчики других мальчиков в дом привели, если бы трансгендерами оказались или еще кем-нибудь из той братии. А так ведь: оба женились вполне традиционно, родили детей. И чего тебе, сукину сыну, не хватало?»

8.

Последний вопрос был риторическим. Джонатан был человеком, у которого действительно в жизни было все. Умирая во время израильского парада, на Пятой авеню, между 59-й и 60-й улицами, в эти последние секунды наш герой должен был испытывать благодарность за жизнь, проведенную на земле, не самую короткую и не самую длинную, но зато материально успешную.

Сам Джонатан, будь у него несколько лишних минут, вероятно, поспорил бы с этим заявлением, так как умирал он глубоко несчастным и именно с чувством внутренней неполноты. Нет, он уже не переживал из-за разрыва с сыновьями или из-за испорченных отношений с Наоми. Он также не переживал из-за сомнительных плодов своих филантропических задумок. Совсем нет.

Трагедия заключалась в другом, и со стороны можно было порадоваться за Джонатана, так как тайну этой трагедии он теперь уносил в могилу. Дело в том, что за несколько недель до смерти Сассман получил результаты генетической диагностики от компании 23andMe. Согласно результатам, в нем было еврейской крови всего-навсего на 88,8%. Оставшаяся одна девятая принадлежала скандинавской группе, что могло означать печальную принадлежность к Викингам и другим народам.

Слава Богу, никто, кроме него, об этом не узнал.

Когда на горизонте исчезла карета скорой помощи EMS с трупом Джонатана Сассмана, а процессия парада продолжилась своим чередом, как будто ничего и не случилось, Наоми Сассман не без скорби задумчиво произнесла:

«Сегодня скончался стопроцентный сын еврейского народа».

Естественно, она ошибалась.

июнь-июль 2023

ИЗ НОВЫХ РАССКАЗОВ- НЕДОРОСТКОВ

КОРОТКАЯ ПРОЗА

ЛЮБОВЬ И КРОЛИК

Мой сослуживец Билл жаловался, что маленькая дочка постоянно донимала его: «Папа, купи мне кролика!» Но зачем ему лишняя головная боль? И этот запах... И потом чисти эту клетку... В общем, нет, нет и нет.

Однажды дочь сказала, что сделала для него подарок. И вручила Биллу гладкий камешек, на одной стороне которого были розовые буквы LOVE, а на другой нарисовано красное сердце. «Папочка, ты положи этот камешек в карман и носи с собой, и когда тебе будет грустно, ты будешь его вынимать, смотреть на него и вспоминать, что я тебя люблю».

В понедельник, придя на работу, Билл зашел ко мне и со смехом сказал: «Угадай, что я делал в выходные? Строил клетку для кролика! Вот такая у меня дочка. Пять лет, а уже настоящая женщина!»

ПОВОД

Дело было в начале 80-х. У нее, как обычно, собрались гости, и кто-то принес бутылку хорошего вина, привезенную из-за границы. Все уже потирали руки и облизывались в предвкушении, но она поставила вино на полку и сказала, что откроет, когда будет достойный повод.

Жизнь ее протекала бурно. Порой ей улыбалась удача, иногда друзья чем-то радовали, опять же праздники календарные. И каждый раз кто-нибудь из гостей хватался за бутылку: «Ну что, достойный повод?» — «Нет», — говорила она и ставила бутылку обратно.

Однажды у нее было особенно много народу. Стол ломился от еды и выпивки. Любители-дегустаторы были, как всегда, начеку.

- Ну уж теперь-то достойный повод, открывай!
- Поставь на место.
- Ты что, ты же замуж выходишь!
- Подумаешь, замуж! Первый раз, что ли?
- Это был ее третий брак.
- Не, ну не жмотничай, давай откроем!
- Нет, это еще не повод.

Ну уж это слишком! Дружья перестали ее понимать. Раньше верили, что ждала особого случая, а тут стало ясно, что просто выпендривается.

Время шло. С мужем у них все было непросто, но интересно — сошлись два ярких, независимых человека без предрассудков, которых соединила страсть и родство душ.

В один прекрасный день она поняла, что беременна. Ей было двадцать пять, пора рожать. Она хотела мальчика, чтобы назвать сына его именем, он — девочку, ее копию и тезку. Когда она была уже сильно беременной, остерегалась резких движений, побаивалась далеко ходить и ездить, театр, где работал муж, собрался на гастроли в Таллин. Он не должен был ехать, не был занят в этих спектаклях, но она уговорила: «Поезжай, развейся! Хорошая компания, артисточки там всякие, город красивый. Со мной сейчас все равно неинтересно». И он уехал.

Уехал — и стал звонить, что скучает, с каждым днем все сильней. Она отвечала — развлекайся, отдыхай, пока можешь, скоро начнется другая, беспокойная жизнь. И вот очередной звонок: «Я здесь! Я вернулся, не мог больше без тебя. Звоню с вокзала, скоро буду».

Ну, она тут же одной рукой курицу в духовку, другой рукой голову под кран — в общем, когда он открыл дверь, в доме все сияло. Она усадила его за стол и сняла с полки заветную бутылку.

МАСТЕР-КЛАСС НА КОММУНАЛЬНОЙ КУХНЕ

Егор, молодой мужик хоть куда, сидел в майке и трениках на стуле в углу коммунальной кухни и разглагольствовал о любви и жизни.

— Валентина моя, конечно, нормальная, вот только ноги у нее подгуляли — кавалерийские, колесом. А мне всегда нравились ноги-копытца — ступни маленькие, щиколотки широкие, крепкие. И вообще, хлеб хорошо, а булочка лучше. Поняла? Жена приедается, знаешь.

Беременная соседка Егора впервые в жизни, чуть не плача, разделявала на своем столике курицу. Свекровь соседки в гости ушла, а невестке велела пять кур разделить, которых они накануне купили. Ну прям Золушка, подумал Егор, и вызвался ей помочь. Время от времени он поднимался со стула и, ловко поддевая пальцами, вынимал желчный пузырь из куриного брюха — аккуратно, чтоб не раздавить и не залить зеленой горечью мясо. Валька его, когда с пюзом ходила (два раза уже!), без дела, конечно, не сидела, но чтобы вот такое — сами гуляют, а на нее работу повесили — он бы не допустил: будущую мать уважить надо, потом ведь не до того будет.

И че его понесло с разговорами? Знает ведь, что ему не обломится. Но хочется иногда высказаться, как на духу, вспомнить бывшее, пофилософствовать, как оно в жизни бывает. С мужиками так не поговоришь — на кой им эти расшибары? Им надо конкретно. А соседкам постарше разведи только всю эту философию, тут же Вальке доложат. А эта не доложит. Слушает молча, виду не показывает, что удивляется или осуждает. Волосы у нее на бигуди накручены и покрыты косынкой в крупный горошек. Брови красивые. Молодая, пусть слушает, ума-разума набирается.

Работал Егор участковым милиционером, а недавно, после первых попыток угонов самолетов, стал летать охранником. Отобрали сильных, надежных, и на все пограничные рейсы сажали их, вооруженных, но в штатском, под видом пассажиров. Бывало, не успеешь вернуться из одного рейса, а уже в другой надо лететь. Концы не близкие — то Дальний Восток, то Армения. Иногда, правда, давали день-другой очухаться где-нибудь в курортном городе.

Однажды в Сухуми к нему женщина на пляже подседа, постарше его. Внешне никакая, но видно, что умная. Сразу взяла его в оборот. В гостинице призналась ему, что никогда еще ей ни с одним мужиком не было хорошо. А хочется испытать, как это бывает. И Егор постарался. Остановится, спросит: «Ну как?» — «Никак». И добил-таки, показал ей, что значит небо в алмазах!

В другой раз, в Сочи это было, одна такая же невидная, но помоложе, к себе его затащила. Сказала, что у нее до сих пор никого не было — ни она никому, ни ей никто сильно не нравился. И она решила: если до двадцати пяти замуж не выйду, сяду на карандаш. На день рождения поехала на курорт, и на второй же день ей попался на глаза Егор. «Ты, девка, ни на что не надейся, я женат». — «А я и не надеюсь».

Егор встал, зажег газ и стал одну за другой опускать в пламя куриные лапы. Грубая роговистая оболочка чернела и лопалась, и легко снималась, обнажая мягкую кожу. «Теперь когти обрежь, — учил он соседку. — Холодец сделаете. Я больше говяжий люблю, а Валюха моя куриный, он нежнее».

Вскоре Егор умер. У него начались сильные головные боли, долго терпел, а когда пошел к врачу, нашли большую опухоль, сказали, что ничего сделать уже нельзя. Спросили, не падал ли он когда-нибудь. Ну да, в детстве он с лошади упал, сильно головой ударился. А может, частые полеты спровоцировали рост опухоли? Кто знает. Сгорел за несколько месяцев. Такой молодой, здоровый — кто бы мог подумать? Был человек — и нету.

И вот тут Валька его разошлась. Мужиков к себе водила без счету, хоть святы по ним изучай. И не стеснялась детей — ведь все в одной комнате жили. Видно, и ей Егорка давно уже приелся. Жаловался на ее ноги кавалерийские, да сам, видно, неважным был кавалеристом. Вот она и оторвалась по полной после его смерти. А может, наоборот — ровню ему искала?

Когда появился любовник-полковник, других пришлось побоку. Полковник человек солидный, не потерпел бы. Да и правду сказать, старался — бывало, каждый пальчик на ногах оближет, поцелует. Но не лежала душа и все, хоть ты тресни.

А потом Валентина встретила Ростика. Женат, двое детей, которых он никогда не бросит. Но вот сердцем прикипела, и никто ей больше не нужен. Полковнику отставку дала. Так и будет теперь тянуть эту лямку. А впрочем, какую лямку — она же его любит! Что бы там ни было, а счастья в этом больше, чем горечи. Да и бывает разве любовь без печали? Главное, чтобы эта горечь не разлилась внутри, как куриная желчь. А дети вырастут, может, он и разведется.

Соседкиному ребенку уже четыре года. Сколько кур она уже запекла, потушила, поджарила! Сколько куриных котлет, бульонов, тефтелей, холодцов приготовила! И каждый раз, привычно вынимая желчный пузырь из птичьего живота, она вспоминала Егора, его практический урок по разделке куриных тушек, сопровождаемый теорией взаимоотношения полов.

Время бежит, люди мелькают, как в калейдоскопе. И каждый оставляет свой след, и даже самый маленький из них не просто так. Зачем-то он нужен.

ХЭППИ-ЭНД

После тридцати пяти она всерьез начала выходить замуж. Пару раз обожглась и боялась что-то начинать, но замужняя младшая сестра уговорила ее повесить объявление на сайте знакомств. Сказано — сделано, и вскоре появился первый подходящий кандидат. Он врач, она тоже. Встретились на ланч, она была не в восторге. «Ты что? Что можно понять на первом свидании? —

уговаривала сестра. — И по твоему рассказу, и по фотографии — нормальный парень. Дай ему шанс!»

Когда он снова позвонил, она предложила ему встретиться после марафона, который она бежала в воскресенье. Он ждал ее на финише. Был солнечный день начала ноября, они не спеша выпили кофе за столиком на улице, немного прогулялись. На следующий день он прислал ей на работу большой букет цветов и клубнику в шоколаде. Стали встречаться.

Через пару месяцев зашли как-то вечером к ней домой, замерзшие и уставшие. Собака радостно выбежала навстречу. Он встал на колени — она думала, чтобы снять с нее сапоги. Он снял, но с колен не поднялся. Она стояла, слегка наклонившись, пес прыгал и лизал их лица, и он вытащил из кармана коробку с обручальным кольцом.

И тогда она призналась ему, что беременна.

ПОЗИТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА МИР

— Марта, привет! Давно не виделись! Как жизнь?

— Все прекрасно! Представляешь, у Ленарда была двусторонняя грыжа. Врачи не сразу распознали, он ведь жаловался на опухоль. Стали искать хирурга. Один доктор не брал нашу страховку, но мы нашли другого, русского.

Пришли на прием.

— Как дела?

— Плохо, доктор.

— У нас в Одессе говорили: лучше всех, но никто не завидует.

Взялся он. Сделал фотографии во время операции. Спрашивает: «Хотите копии?» Ленни говорит — нет. А я говорю — хотим! Дочери посмотрели фотки и позеленели. Другу показали — тоже позеленел. А один посоветовал использовать их для рождественских открыток, юморист. Мы раньше к Рождеству заказывали открытки с фотографией нашей семьи на фоне елки, пока девочки не выросли.

— Знаешь, Марта, мне ведь тоже вырезали грыжу — давно уже, десять лет назад.

— Ой, как здорово! Расскажу Ленни, вот он обрадуется! Надо нам встретиться. Обсудите с ним свои грыжи!

СУТЬ ПЕРЕВОДА

Кевину К.

Ирина и Кевин встретились на репетициях оперы Римского-Корсакова, как Снегурочка и Мизгирь, и с тех пор были неразлучны. В красавицу Ирину невозможно было не влюбиться, и Кевин не стал исключением. Через пару лет они поженились. Сопрано и баритон, обладатели сильных красивых голосов и выигрышной внешности, они были профессионально востребованы и нередко пели вместе в оперных театрах разных стран.

Однажды теплым октябрьским вечером мы сидели после концерта с небольшой компанией их друзей-музыкантов на террасе ресторана. Речь зашла об опере, где есть персонаж Краса Ненаглядная. Кевин спросил:

— А что такое «ненаглядная»?

Все начали наперебой переводить — *very beautiful, gorgeous, stunning, etc.* Я сказала (по-английски):

— Нет, это все не точно. Одним словом это не перевести. Ненаглядная — это такая красивая, что смотришь-смотришь — и никак наглядеться не можешь, все мало.

На что Кевин ответил:

— Я знаю, как это перевести одним словом — «Irina».

Вскоре мы узнали о смертельной болезни Кевина.

Я помню встречи с ними обоими, вижу Кевина, слышу его голос, чувствую счастье, которое они излучали вместе. Умный, проницательный, добрый, талантливый, преданный, любимый коллегами и учениками... Star quality — это о нем.

УНИВЕРСАЛЬНАЯ ПЕДАГОГИКА

Мой коллега в Ленинграде рассказывал мне, как в детстве отец отучил его с товарищем курить. Застукал их, девятилетних, с папиросами за амбаром. «Да вы же не затягиваетесь, ребята! Давайте я вас научу». Мальчишки затянулись, закашлялись — и это навсегда отвадило обоих от курения.

Точь-в-точь такую же историю поведал мне мой американский коллега. Мне тоже захотелось рассказать что-нибудь в том же духе. Стала я вспоминать свое детство, пытаюсь выудить нечто подобное, но не смогла. Чтобы без нотаций, нравoucений и ругани выучка на всю жизнь.

МАТЬ ЧАПАЕВА

Вот послушайте, в Одессе у меня случай был. Я в тот день до двух работала и решила поехать на пляж. Я, когда молодая была, так любила загорать! Мы один раз с подружкой на пляже уснули. Когда разбудили, от нас уже дым шел. Было поздно, ни сметаны, ничего не купить, так мы с ней всю ночь в нашем дворе на Молдаванке под краном с холодной водой просидели. Я теперь, чтобы загар был хороший, набираю воду в пшикалку, добавляю каплю йода, и этой смесью брызгаюсь. Загар потом ровный-ровный, и не сгоришь никогда.

Ну вот, побросала я в сумку пшикалку и все, что нужно, чтоб вечером на свиданье одеться, — и на троллейбус. Жара, давка, стою, как во сне. И вдруг у меня под ухом кто-то как заорет: «Голова! Голова! Там в сумке голова! Помогите! Человека убили!» Я оглянулась — стоит какой-то плюгавый, глаза вытаращил, трясется от страха, голосит — аж лицо перекосило. Увидел, что я на него смотрю, совсем зашелся от крика. Дергается, пытается вперед пролезть. А водитель подъехал к остановке, но двери не открыл, а высунул в окно и подзвал постового. Пришли два милиционера. «Спокойствие, граждане! Выходите по одному, никому не расходиться без разрешения». Пассажиры стали по очереди спускаться, они у всех сумки обыскивают и просят отойти в сторонку. И вот до меня очередь доходит, выхожу я, а этот малахольный стоит рядом с ментом, и как меня увидел, опять затрясся и пальцем показывает: «Вот она! Вот она! У нее в сумке голова отрезанная!» «Ты что, — говорю, — чудак на букву "м", совсем трохнулся?» Говорю легавому: «Товарищ милиционер, вот моя сумка, проверяйте. Но спросите у него, он-то что в ней искал?» Тут все сразу всполошились, один кричит — «часы украли», другой — «кошелек пропал». Мильтон сразу этого поца за локоток, проверили карманы — а там и часов навалом, и кошельками он хорошо отоварился. А второй из моей сумки шиньон вытаскивает... Я ведь в него шпильки воткнула и в сумку кинула, чтобы вечером прическу сделать. Ну, тут уже все, кроме ворюги этого недоделанного, стали просто валяться. А я ему говорю: «Концовка, Манечка! Воровать тоже надо

с умом. Не умеешь — не берись». Так что забрали его, а я обратно в троллейбус — и на пляж.

Но в тот раз я даже не заметила, что ко мне в сумку влезли, он сам себя наказал, идиет. А тут недавно еду я из Бруклина на трейне и чувствую: кто-то у меня в сумке роется. Я слегка так поворачиваюсь и вижу, что мужик, который рядом стоял, руку туда запустил. Не знаю, кто он там был, — не белый, но и не совсем черный, даже на лицо красивый. Таракан какой-то. Я хвать его за руку! «Ты что это делаешь?» — говорю. А он второй рукой размахнулся, хочет в лицо меня ударить. Меня еще в жизни никто по лицу не бил! «Ах, ты», — думаю. И в последний момент — его рука уже совсем близко была — схватила за запястье зубами. А у меня все зубы порцелановые, после аварии вставили, острые-преострые. Как он стал орать! «Пусти!» — кричит. А у меня челюсти как заклинило, не могу разжать, и все. Так и едем. Подъезжаем к остановке, название станции объявляют. Это, видно, как-то меня успокоило, зубы разжались, он руку вырвал. Выхожу я на платформу, а мужик этот к лестнице на выход со всех ног бежит, вопит как резаный, на меня оглядывается. Кровь хлещет, он эту руку другой рукой поддерживает. Блузку мне всю заляпал, подлючий. Приехала я домой, в кресло упала и пошевелиться не могу. Как назло, ни коньяка, ни бренди, ни валерьянки даже. Муж пришел, я еще сказать ничего не успела — испугался, он никогда меня такой не видел. Это теперь я вспоминаю, и мне смешно. А тогда... Я бы, наверно, и тут внимания не обратила, что этот таракан ко мне в сумку залез, но у меня там тыщу долларов было, так что была начеку.

А вообще я никому спуска не даю. Знаете, я в школе учительницу ненавидела. Прогуливала уроки, уходила и все. Один урок пропустила, второй, третий... Маму вызывали в школу. А в пятом классе начали немецкий учить. Так мне даже интересно стало, потому что я по-еврейски понимала. А моя девичья фамилия Вайцман. Ребята быстро раскумекали, что к чему, стали меня жидовкой дразнить. Я сказала, чтоб прекратили. А один все продолжает. Ну, я ведь от рождения отмороженная, я его после школы подкараулила и так отлупила, что его скорая увезла. Мать к директору школы пришла жаловаться, что я ее сыночка избиваю. Директор меня вызывает: «Ты почему мальчика побила?» — «Он меня жидовкой обзывал». Мамаша говорит: «Она все врет». Я говорю: «Я никогда не вру». А директорша: «Я эту девочку давно знаю, она всегда говорит правду. Но она не имела права вашего сына избивать». Так когда он через две недели из больницы вышел, меня стороной обходил. В классе он раньше за мной сидел, так его пересадили. А я ему сказала: «Если еще хоть раз это слово от тебя услышу, то в следующий раз ты не через две недели, а через четыре месяца из больницы выйдешь».

Меня тогда все боялись. Когда я на улицу выходила, все прятались. И детей своих потом учила за себя постоять. Муж мне говорил: «Ты что их драться учишь?» А я говорю: «Не драться, а показать, что не боишься. Если будут видеть, что боишься, так и будут тебя обижать». Так у моего старшего во дворе кллика была — Чапаев. И младшего никто не обижал. «Вы что? Не трогайте его, это брат Чапаева!» И внучка моя — четыре года, а чуть что, сразу ногу подымает! Ее на каратэ водят.

А когда парню этому было года двадцать три, он ко мне приходил. У меня уже ребенок был. Говорит: «После того случая я никогда это слово не употреблял, ни в армии, нигде, ни разу — так ты меня проучила».

Вот вы жалуетесь на бабу эту стержовозную из вашего кооператива. Считайте, ей повезло, что она имеет дело с вами, а не со мной. Я бы ей так говорю устроила, мало бы не показалось.

— Ну так давайте, устройте!

— Давайте... Одна вот так давала, а потом семерых родила.

БОГ ЕСТЬ

Сегодня шла к метро и думала, что мне сказать, если кто-нибудь спросит про ситуацию с Энн. Жильцы дома, где она работает агентом по сдаче квартир в аренду, называют ее дьяволицей, сатаной. И вот теперь мне самой пришлось столкнуться с этим редкостным источником и множителем зла.

По дороге зашла в маленькое дели купить бутылку воды. Заплатила молодому латиносу на кассе. Вдруг рядом с ним возник откуда-то высокий худой человек с мудрым, старчески красивым лицом с грустными глазами и протянул несколько ломтиков ржаного хлеба в прозрачном полиэтиленовом пакетике. «Положите в холодильник и делайте себе по утрам тосты». Я стала отказываться. «Берите, — сказал он с мягкой улыбкой, но твердо. — There is nothing wrong in being nice to people¹».

Вот это я и буду теперь отвечать, если меня спросят про Энн. Бог послал мне ангела в обличье старого доброго еврея, вывел на дорогу и указал путь. Путь любви и веры. Из тьмы — к свету.

¹ Нет ничего плохого в хорошем отношении к людям (англ.).

КАК ВСЕ БЫЛО НА ЭТОЙ ЗЕМЛЕ

(Только факты)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ

История еврейского народа начинается в Хевроне. Сюда четыре тысячи лет назад пришел праотец Авраам со своей семьей, женой Саррой и племянником Лотом и поселился среди мирного и благожелательного народа хананеев.

Говорят, что после Ноаха Господь не говорил ни с кем до Авраама, постигшего истину о Единой силе, управляющей миром. «Он первым решил объявить, что Господь Бог, создавший все сущее, Един». (Иосиф Флавий) На родине Авраама в Вавилонии, стране чародеев и магов, не приняли его истину. Авраам подвергся преследованиям и покинул город Ур, место своего рождения.

И двинул Авраам шатер и пришел и поселился у дубравы Мамре, что в Хевроне (Быт 13:2).

Там свершилось его завершение. Так земледелец, обнаруживший в пустыне плодоносящее дерево, пересадит его в возделанную землю, где корень его *разовьется совсем не так, как в пустыне, и даст начало множеству деревьев.* Это образное сравнения приводит еврейский поэт Иегуда Галеви.

Сарра родила Аврааму сына Исаака. Но у них долго не было детей, и у Авраама родился сын Измаил от служанки египтянки Агари. От гнева Сарры Агарь сбежала с сыном в пустыню.

А когда Сарре пришло время первой отправиться в путь, то Авраам прикупил у Ефрона хеттеянина участок земли с пещерой Махпела, что означает: двойная, и в ней похоронил жену. Потом сам лег рядом с ней. Там же в пещере был похоронен Исаак со своей женой Ревеккой и Иаков с Леей, а Рахель, любимую жену Иакова, умершую родами, похоронили у дороги.

У Иакова было двенадцать сыновей от двух жен и от наложниц, и они не раз хаживали в Египет. Веками евреи убегали в страну фараонов от голода, неурожая, от преследований завоевателей. Дорога была нахоженной. В один из таких походов сыновья Иакова продали в рабство брата своего Иосифа, а отцу сказали, что его растерзали дикие звери. Когда же на склоне лет Иаков узнал, что сын его любимой жены, *сын старости его*, жив и в милости у фараона, то решил тотчас идти туда к нему с сыновьями. Уходя, он завещал похоронить себя в этой земле и поделил землю между сыновьями. Места в окрестностях Хеврона, богатые виноградниками, он отдал

Иуде, сказав: *Молодой лев Иуда! Моет он в вине одежду свою и в крови гроздов одевая свое, блестящи очи его от вина и белы зубы от молока* (Быт 49: 9, 11–12).

От двенадцати сыновей Иакова пошли двенадцать колен израилевых.

Потомки Иакова продолжали жить в Египте, там они выполняли разные работы, пасли овец, работали в рудниках. Так прошли, как сказано в Торе, четыре века египетского рабства. Впрочем, историки опровергают этот срок. У Флавия сказано, что ко времени Исхода прошло «двести пятнадцать лет после переселения Иакова в Египет». Историк подтверждает это, приводя подробную генеалогию поколений от Авраама до Моисея, из чего с помощью несложных расчетов, исходя из среднего срока человеческой жизни, можно сделать вывод, что четыре века пребывания евреев в земле египетской являются «небылицей», как утверждает А. Гоголев в своей книге: «Очищение здравым смыслом».

Моисей, сын Амрама и Йохевед, найденный в корзине, плавающей по Нилу, самым рождением обреченный на смерть, волею своей необыкновенной судьбы стал наследником фараона. После изгнания из Египта он пас овец своего тестя в земле мадиамской и там на священной горе услышал голос Предвечного, давшего ему великое поручение.

— Но кто Ты? — спросил Моисей, — и что я им скажу, чтобы поверили мне, как назову имя Твое?

И услышал в ответ:

— *Я есмь Сущий. Имя мое произносить нельзя. Так и скажи: Сущий послал меня к вам.*

Моисей свершил великое дело. Он не только вывел евреев из Египта и привел их в землю праотцев, *текущую молоком и медом*, но сплотил разрозненное племя в единый народ именем Единого Бога Авраама, Исаака и Иакова, дав им законы, которые они должны соблюдать под страхом Божиим.

Сказал Господь Моисею: собери ко мне народ, и Я возведу им слова Мои, из которых они научатся бояться Меня во все дни жизни своей на земле и научат сыновей своих (Втор 4: 10).

После смерти пророка, когда Иисус Навин завоевал всю землю нагорную и полуденную, хананеи же не изгнал, но сделал своими данниками, — земля успокоилась от войн, и жил народ каждый под виноградником своим, под смоковницей своей.

Сначала у них было время Судей. Одним из судей был Самсон из колена Дана, славящийся своей силой, побеждавший филистимлян, извечных врагов Израиля. Потом евреи запросили себе царя, чтобы у них было как у всех людей, и наступило время Царств. Первым из царей был Саул из колена Беньямина. Красавец и силач Давид, сын Иессея из колена Иуды, стал его зятем. Он победил филистимлян, убив великана Голиафа, против которого Давид выступил с сумой и пращой. Семь лет еще он сидел в Хевроне царем над коленом Иуды, прежде чем стать царем над всем Израилем. Столицей своей Давид сделал город-крепость на холме Офел, который отвоёвал у иевусеев. Город на иврите — «Ир», он стоял на источнике Силоам (Шилоах). Там Давид построил для себя дворец и, сидя на крыше, распевал псалмы, славя Господа.

Господи Боже мой, как величественно имя Твое по всей земле (Пс 8: 10).

Он еще задумал выстроить Дом для жительства Его, сказав: *Вот я живу в доме кедровом, а ковчег Божий находится под шатром!*

Этот ковчег из дерева ситтим с крышкой из чистого золота и двумя золотыми херувимами был изготовлен мастерами еще в пустыне во времена Исхода по приказу Моисея, в нем помещались две каменные скрижали с законами, которые заповедал этому народу Господь: *Слушай, Израиль!* Ковчег был помещен в переносной храм, Скинию Собрания, где обитало Божество.

Давид присмотрел и место для храма на вершине горы Мориа, там, по преданию, Авраам собирался принести в жертву Господу своего сына Исаака.

В городе Давида тогда жил пророк Натан, с которым не раз советовался царь, и было ему видение.

— Господь не отвратил от тебя Свое лицо, — так сказал царю, — но строить Божий дом тебе нельзя. *Ибо много крови на руках твоих, Давид!* Храм построит твой сын.

Соломон приступил к строительству дома для жительства Господа на четвертый год своего царствования. Храм строился семь лет. Устройством он повторял Скинию Моисея. Здание из белого камня было обшито изнутри кедровыми досками и обложено золотом. *Весь Храм он обложил чистым золотом, весь Храм до конца и весь жертвенник* (3 Цар 6:22).

Соломон был мудрейшим из людей, он понимал язык зверей и птиц и знал все растения в Эрец от кедра, что в Ливане, до иссопа, вырастающего из стены. Он составил три тысячи притчей и среди них эту:

Начало мудрости — страх Господень (Прит 1:7).

Царствования Давида и Соломона были наивысшим расцветом Эрец Израэль, когда *Иуда и Израиль ели, пили и веселились*. Потом, — Эйн мазаль ле Израэль, — нет доли для Израиля, — наступили времена тяжкие.

Окончательно страна раскололась на Иуду и Израиль, когда сын наложницы Иеровоам, юноша самоуверенный, выдвинувшийся еще при Соломоне, увел из Иерусалима десять колен и сделал своей столицей город Сихем. В VIII веке до Р. Х. ассирийский царь Саргон II вторгся в Израиль и захватывал город за городом. Победитель увел в плен жителей страны, те десять колен, что откололись от дома Давидова. Он увел их глубоко в Азию, где следы их потерялись. Так родилась быль-легенда о десяти потерянных коленах.

Начиналось время великих империй.

А в VI веке царь Вавилона Навуходоносор напал на Иудею. Он захватил Иерусалим и вывез оттуда *все сокровища дома Господня и сокровища царского дома. И выселил весь Иерусалим и всех князей и все храброе войско* (4 Цар 24), не осталось никого, кроме бедного народа. Но в этот раз вавилонский царь народ не тронул, оставил в целости храм. Во время второго похода в 586 году до Р. Х. вавилонский полководец Навузардан вошел в город и *сжег дом Господень и дом царя; и все дома в Иерусалиме сожег огнем* (там же, 25:12).

В эти лютые времена среди людей жили пророки, для каждого времени был свой пророк. Оставил свои мудрые речения великий пророк Исайя; сокрушался об уводимых в Вавилон плачущий пророк Иеремия. А когда *при реках вавилонских сидели мы и плакали, вспоминая о Сионе*, людей утешал пророк Иезекииль, ибо так сказал ему Господь:

Я возвращу вас из земель, в которые вы рассеяны, и дам вам землю Израилеву.

Среди угнанных был пророк Даниил, он предсказывал, что после падения Вавилона придут еще четыре царства, а когда исполнится *семьдесят седмин* со времени опустошения Иерусалима, то народу израилеву позволено будет возвратиться на свою землю и *обстроятся улицы и стены, но в трудные времена* (Дан 9:25).

А когда предсказание исполнилось, и от падения Вавилона сотряслась земля, то персидский царь Кир позволил евреям вернуться в свою землю и к *прежним почитаемым ими обычаям своих предков*. Говорят, что Кир знал о пророчестве Исайи, что он исполнит волю Божию и *скажет Иерусалиму: «ты будешь построен!» и храму: «ты будешь основан!»* (Ис 4:28).

И поднялись главы колен Иуды и Бенямина и с ними священники и левиты.

А Иерусалим был пуст, храм сожжен, разрушены стены, и не было людей в домах, лишь змеи и вороны обитали там. Поставили жертвенник на горе. Заложили фундамент храма. Благодаря *необыкновенному рвению* строительство было окончено в более короткий срок, чем ожидали. Устройством Второй Храм повторял Храм Соломона, но был много беднее. Народ же радовался и славил Господа, а те старики, которые помнили Первый Храм, плакали горько.

И не мог народ распознать восклицаний радости от воплей плача народного.

Храм был обновлен и роскошно украшен в царствование Ирода Великого. За годы его правления страна достигла нового расцвета, благосостояние ее жителей увеличилось. Это было время владычества Рима, говорит Иосиф, что «почти не было на земле народа, который не склонился бы перед могуществом Рима». Иудея была римской провинцией. Ирод вел успешные войны, а в мирное время заселял страну городами. В Иерусалиме он выстроил мощные башни и одну из них назвал именем своего друга, выдающегося римлянина того времени Марка Антония. Ему также удалось завоевать дружбу другого римлянина Октавиана, племянника Цезаря, будущего Августа, императора Рима.

Говорили очевидцы, что храм Ирода из белого камня сиял так ярко, отражая солнечные лучи, что вблизи нельзя было смотреть на него, а издали он напоминал сияющую снегами горную вершину.

После смерти этого гения и злодея, — Эйн мазаль ле Израэль, — снова наступили тяжелые времена. Страна была поделена между наследниками Ирода. Начались мятежи, вызванные злодеяниями безумного тирана, пострадавшие от Ирода требовали мести и не успокаивались. В стране было введено правление прокураторов, присылаемых Римом.

Пятым прокуратором был Понтий Пилат, тот, что умыл руки перед народом, сказав: *«Не виновен я в крови праведника сего. Смотрите вы!»* (Мф 27:24), в то время как толпа, подстрекаемая фарисеями, кричала: «Распни его!»

От этой земли, от скалы Голгофа, там в могиле Иосифа Аримафейского был погребен Иисус, по миру пошла великая религия, проповедуемая его учениками. *И пусть не имевшие о нем известия — увидят, и не слышавшие — узнают* (из послания Павла к римлянам).

Религия возвышает дух человеческий, наполняет жизнь смыслом, *ибо Господь дает мудрость, из уст Его знание и разум* (Притчи Соломона).

А так как бунты в провинции Иудея все увеличивались, шли жалобы на прокураторов, случались стычки с римлянами, ибо евреи — *мятежный дом*, — так сказал о них Господь, то Нерон послал туда своего полководца Веспасиана для умирения непокорного народа. Веспасиан взял с собой сына Тита, и легионы римлян двинулись по стране, захватывая город за городом. Так началась война, о которой сказал Иосиф: «Война евреев против римлян была не только величайшей войной нашего времени, но и, пожалуй, самой великой из известных нам войн между городами и народами».

Йосеф бен-Маттитяху был участником этой войны, он попал в плен, ему грозила смертельная опасность, но за него вступился Тит. Иосиф еще предсказал, что Веспасиан будет императором. Когда же Нерон бежал из Рима и покончил жизнь, вонзив кинжал себе в горло со словами: «Какой великий артист погибает!», то войска выкликнули Веспасиана, и он ушел в Рим, оставив Тита воевать в Иудее. Иосиф же получил с тех пор родовое имя Флавиев.

Когда римляне осадили Иерусалим, то он уговаривал соплеменников не сопротивляться завоевателям, говоря: «Оглянитесь вокруг себя, посмотрите, сколь прекрасно то, что вы губите, — что за город. что за Храм! Кто укажет путь пламени? Кто желает, чтобы это перестало существовать?!»

Он был ранен камнем в голову. Мятежники ликовали.

Говорится в «Агаде», что *Бог давно уже обрек храм огню, но вот настал предопределенный по времени срок.*

Когда храмовую гору объял огонь, то по всему Иерусалиму пронесся страшный вопль. Храм был сожжен 10-го августа 70 года, 9-го числа еврейского месяца Ава, говорят, день в день, когда шесть веков назад был сожжен Храм Соломона. От города остались одни руины. Эту картину увидел полвека спустя римский император Элий Публий Адриан, объезжая свои провинции. И он возжелал стереть из памяти мятежный этот народ, *истребить корень*, и приказал возвести на этом месте новый город по римскому образцу с прямыми улицами и площадью Форума. Он дал этому городу свое имя: Элия Капитолина, и еще он дал новое имя этой стране: Палестина (по имени уже к этому времени исчезнувшего народа, евреи звали их «палешта», «плишим», — захватчики, а по-гречески это звучало: филистимляне).

Два века проплыли над опустошенной, субботствующей землей.

Имя святому городу возвратила в 325 году императрица Елена, мать византийского императора Константина. Он, уверовав в Христа, повелел строить молитвенный *дом на священном месте воскресения нашего Спасителя*. С помощью еще существовавшей в тех местах христианской общины было найдено место казни, скала Голгофа, и там выстроена церковь Воскресения, а также церковь Вознесения на горе Олив *идеже стоясте нозе Его*. Так миру возвращен был Иерусалим.

В 17-й суре Корана Мухаммед провозгласил Иерусалим третьим священным божим местом после Мекки и Медины. Не прошло года после смерти пророка, как бесчисленные орды воинственных поборников ислама устремились во все стороны и с головокружительной быстротой захватывали страны. Образовался Арабский халифат, простиравшийся от Индии до Испании. Зимой 637 года византийский патриарх Софроний, правивший в Иерусалиме, сдал ключи от города халифу Омару ибн аль-Хаттабу в обмен на обещание жителям не причинять *вреда им самим, их состояниям, их церквам и их крестам, их больным и здоровым и всей их общине*. А с 687 по 691 годы на храмовой горе был возведено грандиозное здание под отливающим золотом куполом. На одной из его стен была выведена надпись: «Иисус — пророк, не сын Божий». Мухаммед пытался в своей новой религии совместить иудаизм и христианство, сохранив предания и имена исторических лиц: Иисус — Иса, Моисей — Муса, Авраам — Ибрагим... Когда жестоковыйные не приняли новое учение, был объявлен большой джихад, уничтожение неверных.

Золотой этот купол знает весь мир, он носит название Купол Скалы и виден со всех холмов, окружающих Старый Иерусалим. А на том месте, где на краю вершины горы Мориа стоял Храм Соломона, выстроена мечеть Аль Акса. В ней молится народ, называющий себя палестинцами, как назвал эту страну император Рима, когда о народе этом еще не было известий.

ОТ РЕДАКЦИИ!

Публикуя статью Ольги Любимовой, мы готовы к продолжению обсуждения этой сложной исторической темы. Нам интересны ваши суждения, уважаемые читатели. Ждем ваших писем.

*Редакция журнала
«Зарубежные записки»*

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

ПРОСЛАВЛЯТЬ СВОЕ ОТЕЧЕСТВО...

(К 205-летию великого русского писателя
И. С. Тургенева)

*«Необходимо всем писателям сплотиться вместе
и встать на защиту святой веры от врагов ея».*

И. С. Тургенев

О Тургеневе было не принято говорить как о христианском писателе. По большей части его представляли как «атеиста», «либерала», «западника», «русского европейца».

Но к сожалению, это не только атеистические либо иноверческие трактовки, лукаво насаждаемые, как плевелы среди пшеницы, на протяжении долгих десятилетий.

Еще Н. С. Лесков писал о том, как «многократно, грубо и недостойно оскорбляем наш благородный писатель» — «представитель и выразитель умственного и нравственного роста России». Либералы действовали «грубо, нахально и безразборчиво»; продажные консерваторы «язвили его злоебно». Тех и других Лесков уподоблял, используя сравнение Виктора Гюго, хищным волкам, «которые со злости хватились зубами за свой собственный хвост». По лесковскому замечанию, «осмеять можно все, как все можно до известной степени ополшить. С легкой руки Цельзия было много мастеров, которые делали такие опыты даже над самым учением христианским, но оно от этого не утратило своего значения».

Некоторые начетники также готовы исключить Тургенева из ряда писателей-христиан, руководствуясь своими мерками: «Сколько раз в год ходил в церковь? Принимал ли участие в обрядах? Часто ли исповедовался, причащался?»

Однако с такими вопросами к душе человеческой вправе подходить лишь Бог. Хорошо бы здесь припомнить наставление апостольское: *«Не судите никак прежде времени, пока не приидет Господь»* (1 Кор. 4:5).

Только в самые последние годы отдельные тургеноведы не смогли не признать, что Тургенев в своем творчестве делал «определенные шаги на пути к христианству». Однако даже в такой робкой формулировке этот тезис не прижился. Превратное представление о Тургеневе как об атеисте, укорененное в советском профессиональном литературоведении и в обыденном сознании, бытовало долгие десятилетия. В качестве аргументов беспардонно шли в ход и некоторые тургеновские высказывания, иезуитски выдернутые из контекста, и образ жизни — по большей части вдали от родины, «на краю чужого гнезда», и даже обстоятельства смерти писателя.

При этом никто из сторонников такой безблагодатной позиции не явил в собственной жизни высоких образцов ни святости, ни аскетизма, ни праведничества, ни выдающегося таланта. Добротолюбие учит: *«Кто возбраняет устам своим пересуждать, тот хранит сердце свое от страстей, тот ежедневно зрит Бога»*. По всей видимости, «обвинители», «пересуждающие» жизнь и творчество писателя, далеко отстоят от христианства и евангельских заповедей неосуждения: *«Не судите, да не судимы будете; Ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить»* (Мф. 7:1–2).

Всем ли удастся в свое время сподобиться «христианской кончины живота нашего, безболезненной, непостыдной, мирной, и доброго ответа на Страшном суде Христовом», о чем молится Церковь? Что будет с каждым из нас по выходе из «кожаной ризы», надетой на земле? Не может не замереть душа перед этими вопросами. Но ответ только «на Страшном суде узнаем», — как любил повторять христианский писатель Сергей Нилус.

В Боге, возвестившем: *«Аз есмь Истина, и Путь, и Жизнь»* (Ин. 14:6), — единственно истинный подход к любому явлению жизни. *«Кто учит иному, — говорит апостол Павел, — и не следует словам Господа нашего Иисуса Христа и учению о благодетели, тот горд, ничего не знает, но заражен страстью к состязаниям и словопрениям, от которых происходят зависть, распри, злоречия, лукавые подозрения, пустые споры между людьми поврежденного ума, чуждыми истины»* (1 Тим. 6:3–5).

Господь каждому дает свои таланты и свой крест — по плечам и по силам. Так что взваливать все кресты непосильной ношей на одного человека невозможно. У каждого свой крест. Как писал наш современник, убиенный поэт Николай Мельников в поэме «Русский крест»:

Крест взвали себе на плечи,
Он тяжел, но ты иди,
Чем бы ни был путь отмечен,
Что б ни ждало впереди!
— В чем же крест мой? Кто же знает?
На душе — один лишь страх!
— Все Господь определяет,
Всякий знак — в Его руках.

Тургеневу хватило его собственного креста, чтобы прославить свое Отечество доброю славой во всем мире.

Писатель жизнь свою положил, в том числе на переводы произведений русской литературы, чтобы познакомить с ней Европу; основал во Франции первую русскую библиотеку. Его личность и творчество светят на весь мир.

В год кончины Тургенева его друг, поэт Я. П. Полонский говорил: «И один рассказ его “Живые мощи”, если б он даже ничего иного не написал, подсказывает мне, что так понимать русскую честную верующую душу и так все это выразить мог только великий писатель».

По воспоминаниям французского писателя Анри Труайя, Тургенев обнаруживал, что «неспособен написать роман, повесть, главными действующими лицами которых не были бы русские люди. Для этого нужно было поменять душу, если не тело». «Мне для работы, — скажет он Эдмону де Гонкуру, — нужна зима, стужа, какая бывает у нас в России, мороз, захватывающий дыхание, когда деревья покрыты кристаллами инея... Однако еще лучше мне работается осенью в дни полного безветрия, когда земля упруга, а в воздухе как бы разлит запах вина...» Эдмон де Гонкур заключал: «Не закончив фразы, Тургенев только прижимал к груди руки, и жест этот красноречиво выражал то духовное

упоение и наслаждение работой, какие он испытывал в затерянном уголке старой России».

Космополитом Тургенев никогда не был и родиной своей не торговал. Где бы писатель ни жил — в столицах или за границей, — неизменно душой он стремился в свое родовое имение Спасское-Лутовиново Мценского уезда Орловской губернии. Здесь всегда перед его взором был древний фамильный образ Спаса Нерукотворного.

Нельзя без волнения читать строки письма Тургенева к Ж. А. Полонской от 10 августа 1882 года — за год до смерти: «Продажа Спасского была бы для меня равносильною с окончательным решением никогда не возвращаться в Россию, а я, несмотря на болезнь, питаю надежду провести все будущее лето в Спасском, а в Россию вернуться в течение зимы. Продать Спасское значит для меня — лечь в гроб, а я еще желаю пожить, как ни мало красна жизнь для меня в настоящее время».

В своем художественном творчестве Тургенев изображал жизнь в свете христианского идеала. Но все грубые наслоения хрестоматийного глянца, вульгарно-идеологических трактовок (в том числе режиссерско-постановочных) и домыслов зачастую не позволяют современному читателю пробиться к истинному смыслу писательского наследия, посвятить ему углубленное осознанное прочтение. Вникнуть в произведения Тургенева заново, осмыслить его творчество с христианских позиций — задача важная и благотворная. Об этом моя книга «Христианский мир И. С. Тургенева».

Писатель показал, что именно духовное, идеальное содержание — основа человеческой личности; ратовал за восстановление в человеке образа и подобия Божия. Из этого во многом соткано таинство поэтики Тургенева, его дивных художественных образов.

Среди них — «истинно преподобная» праведница и страдальца Лукерья («Живые мощи»). Плоть героини умерщвлена, но дух ее возрастает. *«Посему мы не унываем, — учит апостол Павел, — но если внешний наш человек и глечет, то внутренний со дня на день обновляется»* (2 Кор. 4:16). «Тело Лукерьи почернело, а душа — просветлела и приобрела особенную чуткость в восприятии мира и правды высшего, сверхмирного бытия», — справедливо отмечал выдающийся богослов XX века архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской). Случившееся с ней Лукерья понимает как данный Богом спасительный крест: «Послал Он мне крест — значит, меня Он любит. Так нам велено это понимать» (3, 332) — по слову Христа: *«кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня»* (Мф. 10, 38).

Этой тургеневской героине, почти бестелесной, открываются высшие сферы духа, невыразимые в земном слове. И не только ей, но прежде всего — писателю, создавшему ее образ. Так же, как и «тишайший» образ истинной православной христианки Лизы Калитиной — кроткой и самоотверженной, нежной и мужественной — главной героини романа «Дворянское гнездо».

Весь этот роман овеян молитвенным пафосом. Источник особой молитвы истекает не только из частного несчастья главных героев — Лизы и Лаврецкого, но из общих многовековых страданий земли русской, русского народа-страстотерпца. Неслучайно писатель-христианин орловец Б. К. Зайцев объединил тургеневских героинь — молитвенницу Лизу и страдальца Лукерью — с реальной крестьянской девушкой-мученицей, одинаково расценивая их всех в общерусском православном смысле как «заступниц» перед Богом за Русь, за русский народ: «Лукерья такая же заступница за Россию и всех нас, как смиренная Агашенька — раба и мученица Варвары Петровны <матери Тургенева>, как Лиза».

Стихотворение в прозе «Два богача» показывает неизмеримое духовное превосходство русского человека из народа, замученного и ограбленного угнетателями всех мастей, над богатейшим в мире банкиром.

Ротшильд имеет возможность без труда и ущерба для своих капиталов отщипывать куски на благотворительность от сверхприбылей, нажитых грабительскими ростовщическими махинациями. Русский мужик, ничего не имея, душу свою полагает за ближнего, буквально следуя заповеди Христа *«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя»* (Ин. 15:13). Какой огромный смысл в крохотном по объему тургеневском тексте:

«Когда при мне превозносят богача Ротшильда, который из громадных своих доходов уделяет целые тысячи на воспитание детей, на лечение больных, на призрение старых — я хвалю и умиляюсь.

Но, и хваля и умиляясь, не могу я не вспомнить об одном убогом крестьянском семействе, принявшем сироту-племянницу в свой разоренный домишко.

— Возьмем мы Катку, — говорила баба, — последние наши гроши на нее пойдут, — не на что будет соли добыть, похлебку посолить...

— А мы ее... и не соленую, — ответил мужик, ее муж.

Далеко Ротшильду до этого мужика!»

Самое главное в русской классической литературе в целом и в частности в тургеневском творчестве — ценнейшей составляющей отечественной классики — это Христос, христианская вера, одухотворенная русским православным подвижничеством. Художественной правды не может быть без правды Божьей. Вся русская классика создавалась в лоне православного бытия.

По отзыву М. Е. Салтыкова-Щедрина, в тургеневской прозе заключено «начало любви и света, в каждой строке бьющее живым ключом». После чтения произведений Тургенева «легко дышится, легко верится, тепло чувствуется», «ощущаешь явственно, как нравственный уровень в тебе поднимается, что мысленно благословляешь и любишь автора».

Каждая проникновенная строка Тургенева, обладавшего способностью соединить прозу с поэзией, «реальное» с «идеальным», овеяна одухотворенным лиризмом и сердечным теплом, несомненно, идущим от «Бога живого» (2 Кор. 6:16), *«В Котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения»* (Кол. 2:3), *«Ибо все из Него, Им и к Нему»* (Рим. 11:36).

ЛЕСКОВ О РОЛИ ДУХОВЕНСТВА

«Отряси сон с очей своих...»

Н. С. Лесков о роли духовенства

ЧАСТЬ 1

«А вы не называйтесь учителями,
ибо один у вас Учитель — Христос»
(Мф. 23: 8)

ШТУДИИ

Постоянные религиозно-нравственные устремления Николая Семёновича Лескова (1831–1895) становятся особенно интенсивными начиная с середины 1870-х годов и не ослабевают до конца его творческого пути. В те годы, которые писатель именoval «временем разгильдяйства и шатаний»¹, когда, «куда ни толкнись, всюду находишь какую-то беспорядочную суету и сутолоку» (11, 587), Лесков совершал свой подвижнический труд, свою, говоря религиозным языком, «брань»: важно было восстановить поруганный и почти утраченный идеал. В этих условиях наиболее остро стоял вопрос о Церкви и о роли духовенства.

Лесковское признание середины 1870-х годов о его «разладе с церковностью» до настоящего времени трактуется излишне прямолинейно, вырывается из контекста. Между тем в письме Лескова к П. К. Щербальскому, датированном 29 июля 1875 года, привлекают внимание знаменательные слова: «Более чем когда-либо верую в великое значение Церкви <выделено мной — А. Н. -С.>, но не вижу нигде того духа, который приличествует обществу, носящему Христово имя» (10, 411).

Освещая эту проблему, следует учесть размышления одного из крупнейших русских философов и богословов первой половины XX столетия В. В. Зеньковского «О так называемом бесцерковном христианстве»: «Христианство не может быть понято и воспринято вне Церкви. Почему? Потому, что Церковь, как учит нас ап. Павел (Колос., гл. 1, ст. 24 и Ефес., гл. 1, ст. 23), есть "тело Христово" <...> и что "глава Церкви — Христос" (Ефес., гл. 1, ст. 22)».

Из цитированного выше фрагмента лесковского письма видно, как писатель формулирует свое «верую», по сути совпадающее с девятой частью Символа Православной Веры: «Верую... во единую святую соборную и апостольскую Церковь». Нужно именно *веровать* в то, что святость изначально присуща Церкви, что она несокрушима — по слову Христа: «Созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф. 16: 18).

В то же время требуются духовное мужество и большое нравственное усилие, чтобы понять, что святость сущностно пребывает в Церкви, несмотря на то, что со стороны ее «человеческой оформленности», внешней «оболочки» святое может соседствовать с греховным, «живая реальность Церкви содержит в себе слишком много проявлений непросветленного и непретворенного человеческого естества»³.

Священнослужитель, по учению Апостола Павла, даже самими немощами своими, от которых не свободен ни один человек «во дни плоти своей», призван «не соблазнять малых сих», но наставлять их и духовно поддерживать, «Ибо всякий первосвященник, из человеков избираемый, для человеков поставляется на служение Богу, чтобы приносить дары и жертвы за грехи, Могущий снисходить невежествующим и заблуждающим; потому что и сам обложен немощью» (Евр. 5: 1–2). Лесков неустанно подчеркивал ответственное положение духовенства, по поведению которого нередко судят о самой Церкви в целом.

Важно отметить, что критика «пороков чиновничьего церковного управления»⁴ велась изнутри, а не извне — не из вражеского стана.

Писатель был кровно связан с отеческой верой на генетическом уровне: «Род наш собственно происходит из духовенства, и тут за ним есть своего рода почетная линия. Мой дед, священник Димитрий Лесков, и его отец, дед и прадед все были священниками в селе Лесках, которое находится в Карачевском или Трубчевском уезде Орловской губернии. От этого села "Лески" и вышла наша родовая фамилия — Лесковы» (11, 7). Внук и правнук православных священников признавался в «Автобиографической заметке» (1882–1885?) в своей «счастливой религиозности»: «Религиозность во мне была с детства, и притом довольно счастливая, то есть такая, какая рано начала мирить веру с рассудком» (11, 11).

Отец Николая Лескова — Семён Дмитриевич — завещал пятилетнему сыну: «*Никогда ни для чего в свете не изменяй вере отцов твоих*»⁵, — и писатель хранил этот отцовский завет.

Несмотря на то, что отец Лескова, закончив в свое время курс в духовной семинарии, не стал служителем Церкви, связь его с духовным сословием не прерывалась, и к ней он приобщал своего первенца: «По отцу моему, происходившему из духовного звания, — вспоминал писатель, — я бывал у некоторых орловских духовных и хаживал иногда по праздникам в монастырскую слободку. <...> я мог здесь встречать многострадальных "духовенных", с детства меня необыкновенно интересовавших» (6, 400; 409).

Мать Лескова была религиозна «чисто церковным образом, — она читала дома акафисты и каждое первое число служила молебны и наблюдала, какие это имеет последствия в обстоятельствах жизни» (11, 11). В рассказе автобиографического характера «Дворянский бунт в Добрыньском приходе» (1881) Лесков упомянул: «мою матушку (благодаря Бога поныне здравствующую) прихожане раз избрали "старостихою", т. е. распорядительницею и казначеею при поправке нашей добрыньской церкви»⁶.

Пример «очень богобоязненной и набожной матери» (6, 125) подкреплялся православным благочестием бабушки: «она питала неодолимую страсть к путешествиям по <...> пустыням. Она на память знала не только историю каждого из этих уединенных монастырей, но знала все монастырские легенды, историю икон, чудотворения, какие там сказывали, знала монастырские средства, ризницу и все прочее. Это был ветхий, но живой указатель к святыням нашего края» (1, 53–54).

В «иконописной фантазии» «Благоразумный разбойник» (1883) Лесков утверждал, что его «заняла и даже увлекла церковная история и сама церковность»⁷.

Возникшая еще в начале творческого пути наследственная «потребность сказать очень многое» по вопросу о Церкви и духовенстве («потому что он нам очень близок и мы ему очень сочувствуем»⁸, — утверждал начинающий писатель) была воплощена в контексте лесковского творческого мира в целом.

Писателя всерьез привлекали характеры и личности служителей Церкви, образ их жизни. Первым в отечественной словесности Лесков сумел открыть читателям быт, нужды и проблемы духовенства. В статье «Коварный прием (Два слова "Вестнику Европы")» (1883) писатель подчеркнул: «я даже по снисходительному суждению "Вестника Европы" немало послужил церковно-исторической науке и имею в духовенстве друзей, расположение которых мне дорого и досталось недаром»⁹.

Нельзя не назвать несколько имен православных священнослужителей, современников писателя, оказавших воздействие на формирование его христианского мировоззрения. Влияние на религиозное развитие в детские годы Лескова имел местный священник отец Алексей Львов, который, по воспоминаниям писателя, венчал его отца и мать, крестил его самого и учил Закону Божию¹⁰. Знаменательно, что в начальной редакции первого лесковского рассказа «Погасшее дело» главный герой носил имя «отец Алексей».

Лесков был также дружен со многими православными священнослужителями, вел с ними активную переписку. Русское священство в свою очередь ценило и любило лесковские художественные произведения на религиозно-церковные темы. Так, протопресвитер Морского ведомства Александр Желобовский, состоявший в числе лиц, с которыми Лесков «вел дружбу и переписывался»¹¹, преподнес ко дню рождения писателя «Псалтырь» с дарственной надписью: «Творцу "Соборян", воспевшему тяжелый быт русского духовенства, усердно приносит искренний его почитатель дивные песни Давида. С. <священник> Александр Желобовский. 1873 г., февраля 4»¹².

Старший современник Лескова епископ Игнатий (в миру — Дмитрий Александрович Брянчанинов), любимый и чтимый писателем, стал впоследствии героем его произведений «Таинственные предвестия» (1885), «Инженеры-бессребреники» (1887).

Показательно, что путь религиозно-нравственных поисков и сам дух христианства, пронизывающий лесковские произведения, во многом совпадает со стезей духовных исканий, пройденной епископом Игнатием (Брянчаниновым), обаятельная личность которого во всей ее духовной силе предстает в творчестве Лескова. Раздумья епископа Игнатия о поисках веры и истинного своего призвания, «плач» заплутавшей в этом долгом поиске души, которая не сразу высвободилась и просияла, обретая праведную жизнь в Боге, воспроизводятся в «Инженерах-бессребрениках» с опорой на признания епископа, сделанные в его «Сочинениях» (1886)¹³: «явилась тоска невыносимая по Боге. <...> это было томление души, удалившейся от истинной жизни своей, Бога. <...> Безотчетные чувствования религиозные меня не удовлетворяли: я хотел видеть верное, ясное, Истину. <...> мой ум весь был погружен в науки и вместе горел желанием узнать, где кроется истинная вера, где кроется истинное учение о ней, чуждое заблуждений и догматических, и нравственных»¹⁴.

Земляком Лескова был Георгий Васильевич Говоров — Феофан Затворник Вышенский (1815–1894) — епископ, богослов, публицист, переводчик. Даже оставив епископскую кафедру ради уединенной жизни в Вышенской пустыни, он не прерывал письменного общения с миром, продолжал свой пастырский и миссионерский подвиг как писатель. «Феофан старался все учение о "христианской жизни" перестроить по началам святоотеческой аскетике», — указывал о. Г. Флоровский¹⁵.

Важно отметить, что святитель Феофан и Лесков обучались у одного и того же наставника. В годы учебы Г. В. Говорова в Орловской духовной семинарии бого-

словесные науки ему преподавал отец Евфимий Андреевич Остромысленский (1804–1887) — впоследствии наставник Лескова в Орловской гимназии.

С особенной теплотой отзывался писатель об этом талантливом преподавателе Закона Божия: «первые уроки религии мне были даны превосходным христианином. Это был орловский священник Остромысленский — хороший друг моего отца и друг всех нас, детей, которых он умел научить любить правду и милосердие» (7, 224–225). Он был любимым педагогом Лескова, отсюда очевидно, что и изучение Священного Писания стало для него любимым предметом.

Личность Е. А. Остромысленского и его «добрые уроки» писатель впоследствии не раз с благодарностью вспоминал и литературно сберег в образах православных священников: например, в святочных рассказах «Привидение в Инженерном замке» (1882), «Зверь» (1883), «Пугало» (1885), «Грабеж» (1887), в хронике «Чающие движения воды» (1867), в «были» «Владычный суд» (1877) и других произведениях.

Писатель не позволял пошатнуть его веру и не боялся открыться в своей любви к православному духовенству. На закате дней — 4 января 1893 года — Лесков делился с Л. Н. Толстым: «я с ранних лет жизни имел влечение к вопросам веры и начал писать о религиозных людях, когда это почиталось за непристойное и невозможное ("Соборяне", "Запечатленный Ангел", "Однодум", и "Мелочи архиерейской жизни", и тому подобное)» (11, 519).

Таким образом, духовенство явилось «специальным объектом» художественного исследования Лескова. На протяжении своей литературной деятельности он продолжал внимательно изучать все, что было связано с Церковью и ее служителями.

Знаменательно, что первым печатным произведением Лескова явилась заметка о распространении Евангелия на русском языке <«О продаже в Киеве Евангелия»> (1860). Впервые вступивший на литературное поприще автор, ратуя за распространение в русском обществе духа христианства, высказал озабоченность по поводу того, что Новый Завет, тогда только появившийся на русском языке, доступен не каждому. Лесков отметил как «новую» и «радостную» возможность «удовлетворения насущной потребности читать и понимать эту книгу», переведенную «на понятный нам язык»¹⁶. В то же время автор заметки с возмущением пишет о книготорговцах, усмотревших в давно ожидаемом «русском» Евангелии всего лишь ходовой товар и сделавших его предметом бессовестной наживы. Лесков особенно огорчен тем, что переведенное на русский язык Евангелие, не попадет в руки паломников со всей Руси, которые «всегда покупают в Киеве книги духовного содержания»: неимущий киевский «пешеход-богомалец» «принужден отказать себе в приобретении Евангелия, *недоступного для него по цене*»¹⁷.

Евангелие и цена, христианская душа и кошелек — начинающий писатель указал на несовместимость этих полярностей.

Первая корреспонденция Лескова явилась своего рода *духовным компасом*, указавшим автору магистральное направление всего его творчества. Биограф писателя П. В. Быков отмечал: «случайно или умышленно, но Лесков словно наметил в ней <заметке — А. Н.-С.> программу <...> всей будущей своей деятельности, которая была посвящена на борьбу с неправдою, с невежеством, со всеми темными сторонами жизни, на горячую проповедь добра, любви к ближнему, всего светлого, честного, прекрасного»¹⁸.

С тех пор о «важности Евангелия» (11, 233), в котором «есть все, — даже то, чего нет» («Новозаветные евреи» — 1884)¹⁹, Лесков размышлял, говорил и писал постоянно — до последних дней своих. По его убеждению, в Евангелии сокрыт «глубочайший смысл жизни» (11, 233). В 1881 г. писатель подготовил «Изборник отеческих мнений о важности Священного Писания. Собрал и из-

дал Н. Лесков». И уже на склоне лет, в 1891 году, маститый автор признавался в том, что именно «хорошо прочитанное Евангелие» (11, 509) указало ему истинный путь и собственное человеческое призвание.

Поднятая в первой лесковской заметке проблема оказалась столь живо-трепещущей, что получила большой общественный резонанс²⁰. Написанное «на злобу дня» пережило «сиюминутность» газетного существования. Важность той публикации отмечалась даже и тридцать лет спустя. В 1890 году газета «Новое время» указала на «корреспонденцию из Киева, в которой автор скорбел о том, что в местных книжных магазинах Евангелие, тогда только изданное на русском языке, продается по ценам возвышенным, вследствие чего много людей небогатых лишены возможности приобрести книгу слова Божия»²¹.

Поразительна высокая интенсивность лесковских публикаций на темы религии. Так, например, в течение десятилетия 1875–1885 годов едва ли не ежедневно появлялись рассказы, очерки, статьи, заметки Лескова, посвященные различным аспектам религиозной жизни: идеям, практике, истории и современности. Многие из этих работ малоизвестны, другие почти полностью забыты. Много из того, что публиковалось в периодике тех лет, до сих пор не найдено и не собрано. Важно актуализировать этот объемный материал как лесковскую летопись религиозной жизни России.

Уже современная писателю критика выделила как одну из важнейших его заслуг в истории отечественной словесности многосторонний показ русского духовенства — извне и изнутри, со стороны быта и психологии, не только коллективной (как сословия), но и индивидуальной. Так, в некрологе, посвященном писателю, особо отмечено: «Лескову принадлежит большая заслуга, что он первый ввел в нашу литературу повествования из быта православного духовенства, которое он осветил со всех сторон, дав нам верную и широкую картину жизни этого своеобразного мира. Он изобразил этот мир в выпуклых типах и сценах, интересных не одной своей внешней стороной, но и в психическом отношении»²².

Лесков создал множество «уповательных» образов православных священнослужителей. Знаменательно, что первым героем лесковской беллетристики стал сельский священник — отец Илиодор — в дебютном рассказе «Засуха» (1862) («Погасшее дело»). В подзаголовке писатель указал: «Из записок моего деда».

Дед умер еще до рождения внука, но Лесков знал о нем от отца и от тетки Пелагеи Дмитриевны: «всегда упоминалось о бедности и честности деда моего, священника Димитрия Лескова» (11, 8), — и, возможно, воплотил в первом литературном опыте некоторые его черты. За этим образом стояла длинная череда предков Лескова — династия священников села Лески Орловской губернии. В герое, открывшем лесковскую «портретную галерею» священнослужителей, предугадывались черты протопопа Савелия Туберозова из романа-хроники «Соборяне» (1872), где был воссоздан *идеал православного священика*, не имеющий равных в русской литературе.

На прототип отца Савелия Туберозова писатель прямо указывает в «Автобиографической заметке»: «Из рассказов тетки я почерпнул первые идеи для написанного мною романа "Соборяне", где в лице протоиерея Савелия Туберозова старался изобразить моего деда, который, однако, на самом деле был гораздо проще Савелия, но напоминал его по характеру» (11, 15).

Знаменательно, что дневник отца Савелия — «Демикотоновая книга» — открывается датой 4 февраля 1831 года — это день рождения Лескова. Так писатель биографически «включает» себя самого в заветный текст дневника своего героя — бесстрашного проповедника слова Божия; являет свою родственную и духовную сопричастность «мятежному протопопу».

Отец Илиодор в «Засухе» — столь же привлекательный и сильный образ. Имя его созвучно имени пророка Илии. Священнику из российского захолустья видятся те же вещие сны, что и фараону в Библии (Бытие. 41: 1–7): «увидел семь коров тучных и семь сухощавых и смутился, что видит сон не по чину»²³, — со смиренным лесковским героем будто общается Сам Господь Бог.

Сельский священник — настоящий *батюшка* для крестьян, живущий их жизнью, их нуждами; бескорыстный, готовый без всякой мзды отпевать молебны о дожде, дабы предотвратить неурожай и голод; доброжелательный, участливый, отечески заботливый. Но он может быть и настойчивым, и гневным, когда отговаривает крестьян от их варварских языческих затей. Отец Илиодор становится действительно *отцом* и *спасителем* своим «малосмысленным» «детям» — прихожанам, выступает за них ходатаем, спасая от каторги.

О пастырском служении — «учить, вразумлять, отклонять от всякого <...> вздора и суеверий» (114) — размышляет герой. Но с горечью он вынужден признать, что «наши православные пастыри, верно, больше... пастухи»: «Еще бы, загнали попа в село без гроша, без книги, да проповедника из него <...> требовать» (114).

Уже в самом первом своем беллетристическом опыте Лесков наметил основные линии в изображении Церкви и священнослужителей, ставшие ориентиром в дальнейшем художественном исследовании заявленной темы. Писатель восхищается духовными светочами — православными подвижниками: «вашими святыми молитвами, как шестами, подпираемся» (110), — и в то же время недвусмысленно выставляет напоказ пороки людей, считающих себя причастными Церкви, но не следующих своему высокому духовному предназначению. Поднятые в дебютном рассказе Лескова проблемы остались ведущими и в зрелом творчестве писателя.

В своей первой большой повести «Овцебык» (1862) писатель лирически вдохновенно воспроизвел свои детские опыты православного благочестия, поездки по святым местам и монастырям вместе с бабушкой — «очень религиозной старушкой» (1, 53). Здесь так много личных, дорогих Лескову воспоминаний, что это дало право сыну писателя назвать повесть «беллетристически-биографической вещью». Тональность этих воспоминаний — элегическая и очень светлая: «Беззаботное, милое время! Благословенье тебе, благословенье и вам, дающим мне эти воспоминания» (1, 58).

Лесное монастырское озеро — это чистый источник, воды которого омыают душу. А те, кто живет здесь, — «некнижные» (то есть неграмотные) иноки отец Сергей и отец Ваила: один — поэт, художественная натура, другой — практик, рукодельник (подобно тургеневским типам Хоря и Калиныча), — полны любви, доброжелательности, снисходительности к людям. Таковы и оживающие герои воспоминаний Лескова — молодые послушники, с которыми маленький богомолец «барчук Миколаша» распевает монастырские песни: «Как шел по пути молодой монах, а навстречу ему Сам Иисус Христос» (1, 57–58).

Песни, сказки, рассказы странников о походах «на богомолье к Николаю-угоднику амченскому», «то есть "мценскому", от г. Мценска, где есть резная икона св. Николая» (1, 60), — все это «нестерпимо интересно» (1, 61) Лескову. Именно к этой иконе пошлет он на поклон непревзойденных русских мастеров — героев своего знаменитого «Сказа о тульском косом левше и о стальной блохе» (1881) — перед началом их «безотдышной работы».

В пожилом послушнике Тимофее Невструеве, который «исходил, кажется, всю Русь, был даже в Палестине, в Греции», слыл «за непобедимого силача» и всегда собирался «на войну за освобождение христиан» (1, 59), предсказан главный герой повести «Очарованный странник» (1873) Иван Флягин — богатырь-черноризец с его последним «очарованием» — «помереть за народ».

Пленительное обаяние «монастырских глав» «Овцебыка», в которых Лесков говорит о «теплой животворящей вере во многое, во что так сладко и уповательно верилось» (1, 68), не могло не воздействовать на русскую прозу. Уже в XX столетии отзвуки отчетливо различимы в лиризме «Богомолья» и «Лета Господня». У Ивана Шмелева представлена «лесковская» ситуация: как «русские дети к Богу ходили и как Господь их обласкал и утешил»²⁴. Иван Ильин писал, что богомолье «выражает самое естество России — и пространственное, и духовное... Это ее способ быть, искать, обретать и совершенствоваться. Это ее путь к Богу. И в этом открывается ее святость»²⁵.

Лесков написал множество теплых — «преутешительных» — образов служителей Православия. Таковы, например, праведный старец Памва — «беззавистный, безгневный» (1, 436): «согруби ему — он благословит, приберй его — он в землю поклонится» (1, 438) в «рождественском рассказе» «Запечатленный Ангел» (1873); архиепископ Нил и «монашек такой маленький, такой тихий» (1, 345), «человек преутешительный», взысканный «Божиею милостью» (1, 346), отец Кириак в повести «На краю света» (1876), совершенно необычной в традиционном жанровом составе русской прозы: вся повесть напоминает чистую молитву во славу Божию, увенчанную в финале единодушным «Амины!», и в совокупности с «былью» «Владычный суд. Pendant к рассказу "На краю света"» (1877) составляет дилогию «Русские богоносцы» (1880).

Православная Церковь, несмотря на все свои нестроения и нападки со стороны радикалов, была и продолжала оставаться не только корневой основой национальных духовных традиций, русской культуры, искусства, но прежде всего — носительницей христианского идеала, «голосом совести» русских людей. Большинство населения России (по крайней мере — номинативно) были православными христианами, и Церковь являлась для них источником христианства.

Однако отношение к духовенству было разнородным. Помимо открытой враждебности со стороны противников религии, священнослужителям приходилось сталкиваться с высокомерием, нередко — с пренебрежительным, покровительственным тоном со стороны дворянства и государственной бюрократии, что показал Лесков уже в «Засухе».

«Бедный поп» принужден терпеть надругательства и со стороны церковных, и со стороны светских властей. В губернском городе «предстательствующий» за своих прихожан отец Илиодор сталкивается с поголовной коррупцией на всех ступенях церковной иерархической лестницы. Чтобы только узнать, можно ли встретиться с секретарем консистории, он должен дать причетнику взятку. Не отстает и регент: «Две головы <сахару — А. Н. -С.> и фунт чаю они за всегда принимают» (111). Выясняется, что секретарь ныне «лих», «просто в подобию змея желтобрюхого» (110). Под стать ему и архипастырь первого рассказа Лескова — «строгий и суровый»: «у него одно про всех угощение: много не говорит, а за аксиосы да об стол мордою» (111).

Совсем уж звероподобен губернатор: «кричит, орет, брыкает, хвостом машет и из живых лиц творит со слюною своею брение» (111). Евангельское слово «брение» — пыль, смешанная с «плюновением», которым Христос исцелил слепорожденного (см.: Ин. 9: 6), — создает здесь намеки на антихриста, смешивающего с грязью живые лица. Образ подкрепляется рядом красноречивых глаголов-характеристик: «брыкает» (то есть имеет копыта), «хвостом машет» — все это устойчивые атрибуты «врага человеческого».

В художественно-образной системе рассказа власти предстают как силы inferнальные. О губернаторе отец Илиодор «и подумать не смел, потому что губернатор был в то время всякому человеку все равно что Олоферн» (111). Библейское сравнение весьма выразительно: «Книга Иудифь» ярко представляет образ «воителя», наводившего на целые народы ужас своей бесчеловечной жестокостью.

Следует заметить, что высокопоставленные чиновники — чаще всего немецкого происхождения — с высокомерием относились к православному духовенству. Так, в «Соборянах» протопоп Савелий Туберозов занес в свой дневник запись о том, что губернатор, «яко немец, соблюдая амбицию своего Лютера, русского попа к себе не допустил» (4, 34).

Помещик провинившихся крестьян, к которому обращается отец Илиодор, соглашается прикрыть дело за взятку в тысячу рублей. Здесь священник подвергается новым унижениям: «его осиятельство» (115) долго держит батюшку в сенях; приняв, не встает с кресел, не просит благословения, разговаривает с нескрываемым высокомерным презрением.

В новелле «О безумии одного князя» из цикла «Заметки неизвестного» (1884) героиня, получившая прозвище «мадемуазель попадья»²⁶, после смерти мужа-священника «пристала к хору поющих цыган» и вскоре «вышла замуж за богатого князя, который ни за что бы на ней не женился, если бы она была вдовая попадья, а не свободная цыганка» (7, 357). В конце повествования рассказчик язвительно замечает: «Так-то светского звания люди, в нелепом своем пренебрежении к роду духовных, сами себя наказуют и унижают свой собственный род, присоединяя его даже лучше к цыганству» (7, 358).

«Неестественность отношений нашего общества к духовенству, всю безучастность к этому сословию», а также «несправедливость огульного обвинения нашего духовенства» (10, 234) отмечал Лесков.

Не уходя от Церкви, Лесков с присущей его человеческой натуре «нетерпечностью» начинал «расчищать подходы к храму», в котором, по его убеждению, должны служить только чистые сердцем и высокие помыслами, наделенные высочайшей духовностью слуги Божии. Будучи глубоко уверенным в том, что христианские основания Православной Церкви непоколебимы: «Мы имеем право считать ее еще живую и способную возродиться и исполнять свое духовное служение русскому народу, а потому и говорим о ее нуждах» (6, 577), — писатель обладал полнотой морального права, чтобы указать на недостатки священнослужителей, призванных к высокой роли пастырей духовных.

Эта тема озвучивается в художественных произведениях; взволнованно пишет о ней Лесков во множестве очерков и публицистических статей: «О кресте Сергия Радонежского», «Бродяги духовного чина», «О сводных браках и других немощах», «Несколько слов по поводу записки высокопреосвященного митрополита Арсения о духовороческих и других сектах», «Патриаршие повадки», «Чудеса и знамения», «Турки под Петербургом», «Великопостный указ Петра Великого», «Церковные интриганы», «Праздник невежд», «Безбожные школы в России» — и многих других.

В статье 3-го и 4-го номеров журнала «Гражданин» за 1875 год «О сводных браках и других немощах» писатель открыто поименовал «*немощи*» церковного духовенства, которое поселяет к себе «неуважение <...> своими доносами, нетерпеливостью, малосведущностью в Писаниях, так называемую "слабостью жизни", любостыжанием и *неумением чинно служить*, что доходит у нас теперь до самых крайних пределов»²⁷.

Особо выделено Лесковым неумение и нежелание церковников «*чинно служить*», что не может не отталкивать прихожан. На эту «немощь» указал также «высокопочтенный иеромонах Чудова монастыря отец Пафнутий». Высокий духовный авторитет «даровитого и горячего миссионера» (73) подкрепляет наблюдения и выводы Лескова: «О. Пафнутий писал в своем отчете, что многие священники служат крайне спешно и небрежно, а "кучерявые дьяконы даже не умеют внятно читать"» (73).

Все это истребляет благообразие даже в общенациональных центрах духовной жизни, что отзывается в писателе и тревогой, и глубокой душевной болью: «Счастливого исключения в этом случае не являют даже ни Лавра,

ни Михайловский монастырь, где перед мощами ежедневно отправляется множество молебнов и, Боже мой, как они отправляются!..» (73). Неуместную поспешность и торопливость в проведении церковной службы Лесков обозначил выразительным эмоционально-экспрессивным словом-образом «*скорохват*»: «Этого "киевского скорохвата" не стерпеть не только раскольникам, привыкшим к служению строгому, но даже не снести его и нам, приученным ко всякому "*скорохвату*" <...> у нас *худо служат* <...> у нас *слабо живут*, и все это, к сожалению, правда» (73), — подводит писатель безрадостные итоги.

В письме И. С. Аксакову от 1 января 1875 года Лесков говорит, что в Киеве, куда «сходятся летом богомольцы со всей Руси <...>, небрежение в богослужении и наглость в обирательстве неописуемы. <...> они уже так изучились "*скорохвату*", что не умеют служить лучше» (10, 374).

«Отряси сон с очей своих...»:

Н. С. Лесков о роли духовенства

ЧАСТЬ 2

«А вы не называйтесь учителями,
ибо один у вас Учитель — Христос»
(Мф. 23: 8)

Свой настойчивый призыв, обращенный к духовным лицам, послужить «пользе дела народной нравственности и благочестия»²⁸, Лесков готов подкрепить и историческими документами, в частности — указом, изданным еще Петром I. В указе 1723 года Пётр I и Святейший Синод призывали духовенство служить не формально, но сделать церковную службу доходящей до разума, сердца и совести каждого прихожанина.

Выступая как историк церкви, Лесков отыскал и опубликовал подлинник этого указа, о котором «до сих пор не приходилось ничего читать» (233), в VIII томе журнала «Исторический вестник» за 1882 год, то есть спустя более чем полтора столетия. Актуализируя полузабытый исторический документ, о котором «многие из нынешних духовных даже и совсем не знают» (234), писатель выступает в роли носителя несправедливого «учительного» слова для современного духовенства.

В «Великопостном указе Петра Великого» (1882) было «изображено» (233) буквально следующее: «по его императорского величества указу святейший синод, рассуждая о употреблении (sic) по церквам в великий пост чтений, согласно приговорили, в место прежнего от Ефрема Сирина и от Соборника и от прочих чтения, читать новопечатанные буквари с толкованием заповедей Божиих, распределяя оные умеренно, дабы приходящие в церковь Божию, готовящиеся к исповеди и св. таин причастию люди, слыша заповеди Божи и осмотрясь в своей совести, лучше могли ко истинному покаянию себя приготовить» (233).

Тот же указ отмечал некомпетентность многих священников, полную неспособность исполнить возложенную на них высокую духовную миссию: «понеже духовной консистории известно учинилось, что многие священники <...> людей, приходящих в церковь в великий пост, не учат, но и сами, когда в заповедях Бо-

жих вопрошения бывают, то на то и ответствовать не могут, а следовательно, и порученных им в паству простолюдников научить недействительны» (233).

Выяснилось, что пастыри зачастую проявляют не только равнодушие к воспитанию паствы в христианском духе, но и невежество, незнание основных вопросов Священного Писания. Вот почему Пётр I и Синод в своем указе вынуждены были «всем священникам накрепко приказать, (чтобы) они не точию в великий пост и во все воскресения и праздничные дни по литургии по одной заповеди с толкованием в приходских церквах вычитывали, да и сами иереи, как ныне известно, что в запросах о заповедях Божиих бывают безответны, (оныя) изучили бы» (234). В церковной жизни XVIII столетия складывалась парадоксальная, по-лесковски трагикомическая ситуация «смех и горе»: духовным законоучителям предписывалось прежде самим хорошенько выучить то, чему они были обязаны и призваны обучать.

О строго-взыскательном отношении к учителю-проповеднику со стороны окружающих говорит Апостол Иаков: «Братия мои! не многие делайтесь учителями, зная, что мы подвергнемся большему осуждению» (Иак. 3: 1). Господь призывает не уподобляться книжникам и фарисеям, любящим, «чтобы люди звали их "учитель! учитель!" А вы не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель — Христос» (Мф. 23: 7–8), и «Ученик не бывает выше своего учителя; но и, усовершенствовавшись, будет всякий, как учитель его» (Лк. 6: 40). Потому и необходимо непрестанное попечение пастырей о поддержании их высокого духовного звания, однако немногие из них об этом заботятся.

Согласно остроумному замечанию писателя, «мастеров метать в глаза историю много»²⁹, однако необходимо прикладывать усилия к изменению ситуации в настоящем. «Не изменилось это положение и до самых недавних дней» (234), — констатирует Лесков. «Недействительность» пастырей проявилась, например, в том, что «возник вопрос о дозволении учителям из мирян обучать детей закону Божию в тех сельских школах, где священники не хотят или не могут этим заниматься» (234). Писатель приводит статистические данные Министерства народного просвещения, показывающие, что «у нас теперь закон Божий вовсе не преподается в 20% школ. Отсюда явствует, что "заповеди", в которых изложены все предписания благочестивой нравственности, и теперь не читаются ни в церквах, как этого требовал Пётр Великий, ни в пятой доле школ, где это было бы очень кстати и у места» (234).

Такое же положение дел освещается в статье Лескова с полемическим заглавием «Безбожные школы в России» (1881): «"Безбожными школами" меткий в своих характерных выражениях народ прозвал те первоначальные школы, где нет преподавания Священной истории и вообще так называемого Закона Божия. Их у нас много и именно целая *пятая часть*»³⁰.

В этом вопросе автор статьи не может согласиться с установками Синода, который не в состоянии обеспечить все школы законоучителями из духовенства и в то же время запрещает светским учителям преподавать уроки Священной истории. «Жаль наших православных»³¹, — с болью пишет Лесков, — «на практике учителя и учительницы во многих местах, чтобы не огорчать крестьян "безбожием", потаенно и контрабандою, на *свой страх* учат детей Закону Божию без вознаграждения и без дозволения...»³².

Но если в остальных школах Закон Божий и преподается, то делается это зачастую неумело и бездарно.

Такая ситуация не может оставить Лескова невозмутимым наблюдателем. Встревоженный и негодующий, писатель словно бьет в набат: «Мы решительно недоумеваем: как можно оставлять в таком положении это важнейшее дело!»³³; «мы не в силах молчать о том, что эти господа нам устроили»³⁴.

В одной из статей цикла «Чудеса и знамения. Наблюдения, опыты и заметки» (1878) в журнале «Церковно-общественный вестник» Лесков делится раз-

мышлениями, вызванными «искусством современных преподавателей Закона Божия». По убеждению писателя, «это самый живой, самый приятный и необходимый предмет школьной программы» (3). Однако «неумелые законоучители» «почти повсеместно» обратили его «в мучительную доuku», подвергая детей «напрасным мукам».

Ревностным, равнодушным отношением к вопросам веры и «благочестивой нравственности» продиктована высокая требовательность писателя к тем, кому доверено воспитание юных душ: «мы не хотим и не можем оставить своих детей без религии, которую делают им неприятною и противною различные "начатки" и "кончатки", выдуманные с целью упразднить изучение Слова Божия в его простой и *всякому* доступной форме» (3).

Лесков пишет это с большим знанием дела, опираясь на собственный личный опыт. Чрезвычайно важно сделанное в «были из недавних воспоминаний» «Владычный суд» следующее автобиографическое признание: «Я вырос в своей родной дворянской семье, в г. Орле, при отце, человеке очень умном, начитанном и знатоке богословия, и при матери, очень богобоязненной и богомольной; научился я религии у лучшего и в свое время известнейшего из законоучителей о. Евфимия Андреевича Остромысленского <...> я был таким, каким я был, обучаясь православно мыслить от моего родного отца и от моего превосходного законоучителя — который до сих пор, слава Богу, жив и здоров. (Да примет он издали отсюда мною посылаемый ему низкий поклон.) Словом: никого из нас нельзя было заподозрить ни в малейшем недоброжелательстве Церкви» (6, 125).

В единственном известном письме к Лескову отец Евфимий благодарит своего бывшего ученика за посланное приветствие; сообщает, что за 50 лет преподавательской деятельности у него накопилось много материалов, которые могут быть полезны для дела религиозного воспитания.

Не случайно Лесков столь принципиален, когда поднимает вопрос о духовно-нравственном формировании молодого поколения в цикле статей «Чудеса и знамения»: «Мы хотим, мы просим, но *мы в праве и требовать*, чтобы нам в наших детях сберегли веру, которую мы посеяли в них с колыбелей, как посеяли ее в нас отцы наши. Мы в этом случае не можем уступить *никому, ничего, ни на один волос*» (3).

О преподавании слова Божия детям писатель говорит с пламенной заинтересованностью — как о важнейшем деле, которое «необходимо развивать и совершенствовать»³⁵ («О преподавании Закона Божия в народных школах» — 1880).

Лесков утверждает, что религиозное чувство — живое, пытлиное, развивающееся и развивающее. В рассказе о праведниках «Кадетский монастырь» (1880) отец архимандрит — именно тот талантливый преподаватель Закона Божия, о нехватке которых столь горячо писал Лесков в публицистическом цикле «Чудеса и знамения». Рассказ содержит такое же лирическое, глубоко прочувствованное автобиографическое признание Лескова в его любви к отеческой вере и искреннюю благодарность своему «превосходному законоучителю»: «Мне теперь думается, да и прежде в жизни, когда приходилось слушать легкомысленный отзыв о религии, что она будто скучна и бесполезна, — я всегда думал: "Вздор мелете, милашки: это вы говорите только оттого, что на мастера не попали, который бы вас заинтересовал и раскрыл вам *эту поэзию вечной правды и неумирающей жизни*". А сам сейчас думаю о том последнем архимандрите нашего корпуса, который *навсегда меня благодетельствовал, обрассовав мое религиозное чувство* <выделено мной — А. Н. -С.>» (6, 342).

Показательна следующая самохарактеристика писателя: «Я не враг Церкви, а ее друг, или более: я покорный и преданный ее сын и уверенный православный» (10, 329).

Хотя Лесков и назвал себя «покорным» сыном Церкви, ему не всегда удавалось оставаться таким — брал свое кипучий характер писателя, требующий, как он сам признавал, «самообуздания». Но в любом случае писатель не был слепым сыном Церкви и ясно видел ее нестроения. Лескову были хорошо известны факты о недостатках некоторых «из духовенных», которые нередко взимали непомерную мзду с прихожан, грешили пьянством, ленью и другими пороками, держали подобострастный тон с властями.

В статье «Патриаршие повадки» (1877) писатель пересказывает красноречивую сцену из сочинения епископа Софонии «Современный быт и литургия христиан инославных, иаковитов и несториан» (СПб., 1876). В данном эпизоде турецкий султан удержал двух патриархов, «хотевших в полном облачении сделать ему <...> приветствие с земным поклоном, сказав им:

— В эту минуту я простой смертный, а вы служители Аллаха <...>.

Турок был пристыжен их низкопоклонством и вынужден напомнить им, что он человек, а не Бог, и что им, служителям Аллаха, недостойно падать к ногам султана да еще "в полном облачении"³⁶.

Размышляя в цикле статей «Чудеса и знамения» о «русском религиозном шатании, которое готово искать утверждения в вере даже у спиритских медиумов» (3), Лесков возлагает ответственность на православных священников, нашедших оправдание своей бездеятельности в том, что официальная религия находится под покровительством закона и государства. О цели своего освящения церковной темы писатель выразился недвусмысленно: «я не хочу ее <Церковь — А. Н. -С.> опорочить; я ей желаю честного прогресса от коснения, в которое она впала, задавленная государственностью, но в новом колене слуг алтаря я не вижу "попов великих"» (10, 329).

В тоне горькой иронии отзывается писатель о лености духовных пастырей, от которых сама современная ситуация, названная Лесковым «временем шутовства, всяких юродств и кривляний» (5, 73), требует активной проповеднической работы, духовного подвижничества.

Однако «ужасно все это хлопотно для наших духовных отцов, особенно в такое молитвенное время! Привыкнув считать себя под особым попечением и охраною санкционировавшей права их полиции, они, конечно, никак не ожидали этой напасти со стороны религиозного возбуждения, которое нивесть отку-да явилось и в котором они поистине нимало не виноваты» (5).

Писатель, свершая свое апостольское служение, увещевает и призывает церковнослужителей, «отрясши сон с очей своих», заняться «духовным деланием»: «Под лежащие камни нигде вода не течет» (5). Вслед за «Великопостным указом Петра Великого» Лесков повторяет то, что до сих пор не было исполнено духовенством: «надо за каждую воскресную службой объяснять народу Писание и "давать пример от доброго жития"» (5).

А примеры такие не оскудевают в жизни Православной Церкви, и писатель отмечает их особенно бережно.

«Благоуветливые» образы русских служителей Православной Церкви, воссозданные Лесковым, — его лучший ответ тем, кто задавался вопросом: «Или их нет — таких добрых священников?» (10, 243). В статье «<О рассказах и повестях А. Ф. Погосского>» (1877) писатель высказался на этот счет прямолинейно: «Кто будет так нагл, чтобы утверждать это, тот скажет неправду. Если их и немного, то они все-таки есть, только может быть:

Этим соколам
Крылья связаны,
И пути-то им
Все завязаны...» (10, 243).

Болезненная реальность не помешала Лескову создать образ идеального пастыря, не нарушая при этом правдоподобия. «Простой, добрый священник, — отмечал писатель, — <...> живет, служит, знакомится с людьми в живых с ними сношениях и не только узнает весь свой приход, но делается другом прихожан и часто врачом их совести, примирителем и судьей. Конечно, не часто так бывает, но никак нельзя отрицать, что такие примеры есть» (10, 202).

С восхищением пишет Лесков, например, о героях своего очерка «Священники-врачи и казнохранители» (1883), которые «соблюди и требование сердца, и завет любви христианской»³⁷, и проявили истинное душевное благородство и бессребреничество. Когда говорят об известной «жадности священников» (7, 209), — замечает Лесков в «отрывках из юношеских воспоминаний» «Печерские антики» (1882), — на память приходит наиболее бескорыстный человек — священник Ефим Ботвиновский.

В упоминутым выше очерке «О сводных браках и других немощах» с чувством особенной деликатной любви создает писатель целый рассказ о знакомом ему праведном иеромонахе: «Старец же Иона, да простит мне эту нескромность и да не осудит меня за то, что я говорю о нем» (75). Лесков подробно описывает жизнь и деятельность старца, его поучения «*в духе добра и истины*», в том числе и приходским священникам: «живите так, чтобы знать каждого прихожанина <...> Учите их тут у себя на дому слову Божию и добродетели терпеливо, неленостно и просто <...> и станете пастырями» (74).

Эти простые задушевные наставления направлены также против помпезности, отстраненности духовных пастырей от своей паствы.

Так, не прошло для Лескова незамеченным возмущившее его в книге Ф.В. Ливанова «Жизнь сельского священника. Бытовая хроника из жизни духовенства» (1877) упоминание об архимандрите, который «во время одного пожара, забывши свой сан, явился на пожарище простым христианином» (sic!). Почему архимандрит может явиться «*простым христианином*», только «забывши свой сан»?..» (10, 195), — задается справедливым вопросом Лесков в «критическом этюде» «Карикатурный идеал. Утопия из церковно-бытовой жизни» (1877).

В цикле «Мелочи архиерейской жизни (картинки с натуры)» (1878–1880) писатель развенчивает предубеждение, будто «православные любят пышное велелепие своих духовных владык» (6, 447). Напротив: «Мертвящая пышность наших архиереев, с тех пор как они стали считать ее принадлежностью своего сана, не создала им народного почтения. <...> Русский народ любит глядеть на пышность, но уважает простоту <подчеркнуто мной; курсив Лескова — А.Н.-С.>» (6, 448).

Что до любителей «благолепия в велелепии» (6, 466) вроде господ Н. и З., то они в своем утрированном благочестии зачастую доходят до абсурда. Господа Н. и З. перекорялись относительно того, достойны ли они «идти под *владычным зонтиком*», пока архиепископ не охладил их назойливого пустосвятства: «Что за святыня, взаправду, в моем зонтике?» (6, 471).

Иногда ханжество скатывается до бесчеловечности. Так, господин Н. хотел, но «не мог умолить Провидение, чтобы все женатые сыновья и замужние дочери <...> овдовели и ушли в монастырь, куда он сам очень желал уйти, чтобы там «помириться с Богом»» (6, 469). Измученные бессмысленным святошеством помещика своего села священнослужители, каламбуя, называли ежедневное служение «бесчеловечным», оттого что «при нем не присутствовало *ни одного человека*» (6, 466–467).

Вновь поступивший в город П<ермь> преосвященный Н-т <Неофит> привел в недоумение и разочаровал пылкого поклонника византийской пышности до того, что тот был готов усмотреть в действиях церковного иерарха «разорение отеческого обычая» и даже «*владычный нигилизм*» (6, 472).

Готовивший торжественный прием архиепископу и его свите «добрый православист» оказался в смешном положении, когда владыка, отвергающий навязываемую ему высокопарность, противопоставил напыщенности и помпезности простоту человеческих отношений. Он даже пожелал половить в местном пруду карасей: «Старинная работка — апостольская! Надо быть ближе к природе — она успокаивает. Иисус Христос все моря да горки любил да при озерцах сиживал. Хорошо над водою думать» (6, 474). Неофит напутствует: «Меня помнить нечего: умру — одним монахом поменеет, и только. А вы помните Того, Кто велел, чтобы все мы любили друг друга» (6, 479).

Лесков представил впечатляющую зарисовку встречи преосвященного владыки В<арлаама> с духовенством и не духовными людьми, в поведении которых обличены отталкивающие черты бездумного фанатичного поклонения и крайнего раболепия: «особенно замечательны были две бабы. Одна из этих православных христианок все подстилала под святителем полотенце, на которое тот и наступал для ее удовольствия, а другая была еще благочестивее и норовила сама лечь перед ним на дорогу, — вероятно, с тем, чтобы святитель по самой по ней прошелся, но он ей этого удовольствия не сделал» (6, 420).

Подобным же «пустосвятством» отличаются и дворянки. Праздные дамы назойливо напрашивались для особенного благословения в то время, когда владыка Иоанн Смоленский был занят важным трудом — трудился за рабочим столом, «на котором, вероятно, написаны многие из его вдохновенных и глубоких сочинений» (6, 433), — с уважением замечает автор. Безотвязным посетительницам, пришедшим «для домашней беседы», Иоанн приказал выслать два номера журнала Аскаченского «Домашняя беседа»: «Смоленские дамы, докучавшие епископу, так сказать, по ханжеской рутине, встретили твердый отпор» (6, 434).

Лесков с большой симпатией отзываясь об этой способности святителя «отстранить с твердостью мертвящую рутину и отдать должное живому вдохновению». И если в глазах «ханжей и пустосвятов», докучающих архиереям, Иоанн Смоленский прослыл «нелюдимым и даже грубым», то «люди, знавшие его ближе, — замечает писатель, — полны наилучших воспоминаний о приятности его прямого характера, простоты обхождения, смелого и глубокого ума и настоящей христианской свободы мнений» (6, 434).

Одна из сквозных тем этого цикла рассказов, проходящая через целый ряд «картинок с натуры», — назревшая необходимость для тех, «кто первенствует в Церкви», отказаться от атрибутов помпезного величия, «престижей», «какого-то русско-татарского кочевряженья» (6, 438). По суждению Лескова, таково веление времени, диктуемое законами жизни: «Русь хочет устроиваться, а не великаться, и изменить ее настроение в противоположном духе невозможно» (6, 439). Писатель с воодушевлением отмечает, что «наши лучшие архиереи этого хотят. Откидывая насильственно к ним привитой и никогда им не шедший византийский этикет, они сами хотят опроститься по-русски и стать людьми народными, с которыми по крайней мере отраднее будет ждать каких-либо настоящих мер, способных утолить нашу религиозную истому и возвратить изнемогшей вере русских людей дух животворящий» (6, 439).

Лесков надеется, что в этом случае связи между православными христианами и высшими церковными иерархами утратят свой во многом формализованный характер, наполнятся новым содержанием в живой практике веры: «начались бы другие отношения — не чета нынешним, оканчивающимся раздачей благословений. <...> ходя меж людьми <архиереи — А. Н. - С.>, может быть, кого-нибудь чему-нибудь доброму бы научили, и воздержали бы, и посоветовали» (6, 445).

Полемизируя с оппонентами, усмотревшими в «Мелочах архиерейской жизни» «влияние протестантского духа» (6, 539), Лесков в очерке «Архие-

рейские объезды» (1879) не согласился с «этим странным и неуместным замечанием»: «я хотел бы сказать по крайней мере, сколько несправедливого и прискорбного заключалось в той неосторожности, с какою наши охотники до важности и пышности уступают протестантам такое прекрасное свойство, как *простота* <...> Мне пишут: "хорошо ли, если наши архиереи, объезжая приходы, будут трястись в тарантасиках да кибиточках <...> тогда как католические епископы будут кататься шестернями" и т. п. Там мешал протестантизм, здесь — католичество... Я ничего не могу отвечать на этот трудный вопрос, но я никак не думал, чтобы нам был очень важен пример католических епископов! *Как бы они ни катались, — им свой путь, а нашим — своя дорога* <выделено мной — А. Н.-С.> (6, 539–540).

Протестантскую ересь, во главе которой стоят «особливые вероучители, имущие образ благочестия, силы же его отвергшиеся, поныряющие в дома и пленяющие женщин, всегда учащая и николи же в разум истины приити могущия» (2 Тим. 3, 5–7)³⁸, писатель критикует именно с православных позиций. Он обращает внимание православного духовенства на открывающееся широкое поле для учительной деятельности: «тут, кажется много бы можно сделать, и сделать в самом христианском духе: "учаще человецы растленны умом и неискусны о вере"»³⁹.

«Отрящи сон с очей своих...»:

Н. С. Лесков о роли духовенства

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ

«А вы не называйтесь учителями,

ибо один у вас Учитель — Христос»

(Мф. 23: 8)

В «картинках с натуры» «Мелочи архиерейской жизни» ставились задачи отнюдь не «мелкие». А для самого писателя «Мелочи...» обернулись крупными проблемами, сыграли свою фатальную роль в его судьбе.

Книга явилась одной из причин увольнения Лескова из Ученого комитета Министерства народного просвещения в 1883 году; была изъята из библиотек «по высочайшему повелению» в 1884 году. В 1889 году писатель испытал первый приступ оказавшегося впоследствии смертельным недуга сердца, когда узнал об аресте напечатанного без предварительной цензуры 6-го тома Собрания его сочинений, куда входили «Мелочи архиерейской жизни»⁴⁰: «экземпляры оторванной части шестого тома были отвезены в Главное управление по делам печати и там были сожжены»⁴¹.

Однако своим циклом Лесков вовсе не хотел опорочить Церковь, он «разгребал сор у святыни».

Впервые в отечественной словесности Лесков отважился нарисовать «духовных сановников русской Церкви» (6, 537) как обычных людей, тогда как всякая речь о епископах почиталась «за оскорбление их достоинству» (6, 399). Архиерей был персоной неприкосновенной, застрахованной от какого бы то ни было обсуждения. «Может быть, это так нужно? — задавался вопросом Лесков. — Не знаю; но не в моей власти не сомневаться, чтобы это было для чего-нибудь так нужно, — разве кроме той обособленности пастырей от пасомых, которая не служит и не может служить в пользу Церкви» (6, 129).

Современная Лескову пресса отмечала, что «Мелочи архиерейской жизни» произвели настоящую «сенсацию»⁴².

Особенность авторской позиции в цикле заключается в многоплановости, живой объемности освещения избранного предмета изображения. Этим объясняется тот редкий факт в истории литературы, что на обладание «исключительными правами» на произведение претендовали два диаметрально противоположных политических лагеря.

Так, Р. Сементковский, редактор посмертных работ Лескова, издал искаженный вариант «Мелочей...», выставив только светлые образы церковных пастырей, «чтобы убедить читателя, как легкомысленно поступают те, кто держится в стороне от Церкви и не признает огромного ее значения в жизни русского общества и народа»⁴³. В советских изданиях 1937 и 1952 годов, напротив, с целью атеистической пропаганды были представлены лишь главы о «плохих» и опущены главы о «хороших» архиереях.

Так цикл рассказов Лескова растаскивался по частям, «по мелочам» — в ущерб художественному целому и в угоду политическим направлениям, в то время как сам писатель неустанно выступал противником всякой «направленной лжи» (10, 242). Автор «Мелочей...» верно почувствовал: «я опять ни на кого не угодил», — и, чуждый всякой «направленной узости», тут же прибавил: «и очень этому рад» (10, 456).

Писателю хотелось изобразить живые человеческие черты «неприступных» князей Церкви — «показать человека с его интереснейшей внутренней, духовной стороны, в простых житейских проявлениях» (6, 129). Автор впускает читателя в ранее наглухо закрытые двери, раскрывающие сферу быта и жизни владык, известных большинству людей только со стороны парадно-официозной.

В связи с этим Лесков отмечал, что биографии известных людей скудны: «Нет в них именно тех мелочей жизни, в которых человек наиболее познается как живой человек, а не формулярный заместитель уряда — чиновник, который был да и умер, а потом будет другой на его место — все равно какой» (6, 535). Писатель стремился выявить «что-нибудь образное и живое» (6, 534) в «прикровенной» жизни владык, о которых в старину сочиняли «жития», потом — «службные списки» и, наконец, новейшие «некрологи».

Поэтика «мелочей» — важная составляющая самобытной повествовательной манеры Лескова: «Человек же, как известно, наилучше познается в мелочах» (6, 502). Это содержательный прием, способствующий раскрытию замысла произведения: показать неразрывную связь мелочей с общим устройством жизни.

Лесков не желал, чтобы его укорили в «подрывании основ», точно так же, как не хотел, чтобы его подозревали в «легкомыслии» (6, 535). Он так объяснял свой замысел: «Если благочестивая мысль весьма видных представителей богословской науки пришла к сознанию необходимости — знакомить людей с жизнью Самого нашего Господа Иисуса Христа со стороны *его человечности*, которая так высока, поучительна и прекрасна, рассматриваемая в связи с Его Божеством <...>, то не странно ли чуждаться ознакомления общества с его иерархиями как с живыми людьми, имевшими свои добродетели и свои недостатки, свои подвиги и свои немощи и, в общем, может быть представляющими гораздо более утешительного и хорошего, чем распространяют о них в глухой молве, а ей-то и внемлет толпа» (6, 129–130).

Следует учитывать лесковское замечание о работе над циклом, сделанное в «Авторском признании» (1884): «я не мог рисовать без теней, по-китайски. В моей памяти накопились лица такие и иные... И как могло быть это иначе?..» (11, 231).

Орловский епископ Никодим — первый архиерей, о котором слышал автор еще в детстве и чье повеление болезненно отразилось на семье Лесковых: «сдал в рекруты сына бедной сестры моего отца» (6, 400). Писатель сообщает об этом в нескольких словах. Два десятилетия спустя — в 1899 году — «Орловские епархиальные ведомости» подробно описывали ситуацию, вызванную распоряжением Никодима: «Преосвященный Никодим при высокой подвижнической жизни, за которую многие считали его богоугодным, отличался неумолимою строгостию в отношении подчиненных. Такую черту своего характера он особенно обнаружил при "разборе священно-церковнослужителей и их детям", по которому несколько сот человек из разжалованных священников и дьяков, штрафных дьячков и пономарей, исключенных учеников из семинарии и духовных училищ присуждено было преосвященным к отдаче в военное ведомство. Все эти новобранцы, в возрасте от 15 до 40 лет, собраны были перед выступлением из Орла на Воздвиженской площади с котомками на плечах, окруженные безутешными матерями, женами и детьми, проливавшими горькие слезы. Стоны, вопли, крики отчаяния и проклятия по адресу виновника несчастной судьбы этого бывшего духовенства оглашали воздух и достигали до архиерейского дома»⁴⁴.

Остался в памяти Лескова и «неумный» Смарагд, о котором орловцы отзывались: «Сорванец и молодец — ни Бога не боится, ни людей не стыдится» (6, 401). Это первый владыка, которого увидел будущий писатель собственными глазами: «многие жестокости Смарагда я сам лично видел и сам оплакивал моими ребячьими слезами истомленных узников орловской Монастырской слободы, где они с плачем глодали плесневые корки хлеба, собираемые милостыней» (6, 408).

Подробно описанную «войну» владыки Смарагда с губернатором Трубецким, которая «есть своего рода орловская эпопея» (7, 422), Лесков вспоминал в «рассказе кстати» «Умершее сословие» (1888).

О своеобразии этого иерарха сообщала также официальная церковная пресса. В дифирамбической статье «Орловских епархиальных ведомостей» о Смарагде примечательно следующее: «В Орле о нем сохранилась память как об архипастыре мудром и добром, но очень вспыльчивом и во гневе не сдержанном»⁴⁵.

Таким образом, ситуативное исследование характеров, предпринятое Лесковым в «Мелочах...», — «не чьи-то праздные или злонамеренные измышления, а настоящая живая правда, списанная с натуры, и притом отнюдь не со злою целью»⁴⁶, — подчеркнул художник в предисловии к первому отдельному изданию книги.

Суровая правда эта нелегко давалась Лескову, который и сам глубоко страдал, видя человеческое несовершенство князей Церкви: «Отрицательные типы действительно я писал хуже, чем положительные, потому что мне тяжело изображать такие характеры, не гармонирующие с моим личным настроением» (11, 231). В своем стремлении «потрудиться для ближнего в духе нашего общего великого Учителя»⁴⁷ для исцеления от внутренних недугов писатель был вынужден применить «горькие лекарства, едкие истины».

Но не следует упускать из виду, что Лесков, «рисую реально», старался «*най-ти частицу добра*»⁴⁸ в каждом персонаже. Образы не писались одной краской. Заявив в предисловии к «Мелочам...», что цель книги — «защита наших владык» (6, 399), автор намерен был «сберечь хорошее» в своих «подзащитных».

Так, писатель не оставляет без внимания «способность архиереев переходить от гневной ярости к "благоуветному добродушию"» (6, 418). Этого качества не лишен и Смарагд, сопоставляемый с библейским Исавом: «бе, яко Исава, "нрава дикого, угрюмого, ко гневу склонного и мстительного"» (6, 415).

Вынудил «гневного» Смарагда «сдобриться» сельский дьячок Лукьян — «духовный волокита», который «благодаря крутым завиткам на висках и оболь-

стительному духовному красноречию имел замечательные успехи» (6, 413) у женского пола. Заждавшись под арестом на долгие месяцы «владычного суда», находчивый дьячок излечил мучившие Смарагда боли в спине — «архиерейское междукрылие» (6, 414), заставив его преосвященство «хорошенько пропыхтеться» над перепиливанием толстой коряги, и был отпущен вовсе без наказания: «кроме того, как третьего дня костью поблагословлял, ничего другого не вменено» (6, 417).

Еще «легче и проще» был укрощен «разнообразно чудесивший» преосвященный В<арлаам>. Этот «шумливый епископ» владел, по замечанию Лескова, «золотою способностью делаться очень незлобивым <...> Мне кажется даже, — без всякой иронии прибавляет писатель, — что его преосвященство имел несколько высокий для русского человека идеал гражданского общества, и потому-то именно он и раздражался презренным низкопоклонством и лестью окружающих» (6, 424).

Вполне сочувственную характеристику как человеку «умному и даровитому» дал Лесков Иннокентию Таврическому. Обычно замечали лишь «снижающие» черты этого образа. Так, нареченный «русским Златоустом» владыка, как выяснилось, черпал свое красноречие из карманной французской книжки «Энциклопедия мыслей»; однажды погрешил он и рукоприкладством. Но в то же время писатель подчеркивает, что столь «энергическая расправа» не может быть «строго осуждаема», поскольку была учинена владыкой над келейником-взяточником и мошенником (одним из тех, кого петровский регламент именовал «несытыми архиерейскими скотинами»), присвоившим ценную икону, принадлежащую бедной женской обители.

Писатель, превосходно знавший жизнь русского клира, в «*были из недавних воспоминаний*» «Владычный суд» огорчился, что наши «иерархи и вообще "люди духовного чина", как называет их в своем замечательном "Словаре" покойный митрополит киевский Болховитинов, к несчастью для общества, почти совсем ему неизвестны с их самых лучших сторон» (6, 129).

Тенденциозным критикам Лесков указал: «в книге "Мелочи архиерейской жизни" есть пленительно добрый Филарет Амфитеатров, умный Иоанн Соловьев, кроткий Неофит и множество добрых черт в других персонажах. Мне очень жаль, что это обыкновенно упускается <...> Правдивое слово на этот счет не было бы лишним» (11, 231).

Годом ранее «Мелочей...» в очерке «Владычный суд» писатель представил владыку Филарета Амфитеатрова «со стороны *его общечеловечности*»: «Еще ребенком у себя в Орловской губернии, откуда покойный митрополит был родом и потому, в более тесном смысле был моим "земляком", я слыхал о нем как о человеке доброты бесконечной. <...> Во всех этих рассказах митрополит Филарет являлся скромным и терпеливым, кротким и миролюбивым человеком» (6, 130–131).

В таких качествах писатель смог убедиться лично, увидев владыку в доме председателя киевской казенной палаты. Рассказ о Филарете содержит поучительный пример его миссионерства. Лесков вспоминает: «когда все мы, хозяева и гости, встретили его в зале <...>, он благословил всех нас, подошедших к нему за благословением, и потом, заметив остававшуюся у стола молодую девушку, бывшую в этом доме гувернанткой, он посмотрел на нее и, не трогаясь ни шагу далее, проговорил:

— Ну, а Вы что же?

Девушка сделала ему почтительный глубокий реверанс и тоже осталась на прежнем месте.

— Что же... подойдите! — позвал митрополит.

Но в это время к нему подошел хозяин и тихо шепнул:

— Ваше высокопреосвященство, — она протестантка.

— А?... ну что же такое, что протестантка <...>.

Ну, а протестантка, так поди сюда, дитя, поди, девица, поди: вот так: Господь тебя благослови; во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

И он ее благословил, и когда она, видимо сильно растрогавшись, хотела по нашему примеру поцеловать его руку, он погладил ее по голове и сказал:

— Умница!

Девушка так растрогалась от этой, вероятно, совсем неожиданной ею ласки, что заплакала и убежала во внутренние покои.

Впоследствии она не раз ходила к митрополиту, получала от него благословения, образки и книжечки и кончила тем, что перешла в Православие и, говорят, вела в мире чрезвычайно высокую подвижническую жизнь и всегда горячо любила и уважала Филарета» (6, 131–132).

По мнению Лескова, именно таким — исполненным любовью, добротой — и должно быть обращение в Православие.

Именуя этого церковного иерарха «непорочным младенцем в митре», автор «Мелочей...» показывает Филарета в окружении детей, памятуя завет Христов «*Будьте как дети*». Владыка киевский и галицкий даже стоял «на страже», охраняя малолетних учеников монастырской иконописной школы, крадущих в его собственном саду груши — заманчивые краснобокие «принц-мадамы».

Тут не просто снисходительность к детским слабостям, но истинная христианская мудрость. Воспитательный результат достигается сам собой — без принуждений и травмирования детской души. Провинившиеся шалуны «были страшно смущены и более красть митрополичьи груши не ходили» (6, 455). А когда «милый дидуся» первый раз служил после этого в церкви, признательные за его доброту мальчики «окружили его, и не только его руки, а и ряску-то его расцеловали» (6, 455).

Педагогическому таланту Филарета Киевского и его дару читать в сердцах людей, дабы не погрешить «судом неправедным», могли бы поучиться и ученые педагоги, и специалисты в области детской психологии, и законники: «превосходный старец покрывал своею превосходною добротою *ребячье баловство*, которое любой педагог и моралист не усомнились бы теперь назвать *воровством* <...>, а какой-нибудь либеральный перевертень с прокурорского кресла потребовал бы за все это самую строгую кару. Но, к счастью, не так смотрит на вещи не направленная, а настоящая добродетель, одним из прекрасных представителей которой может быть назван Филарет Амфитеатров» (6, 456).

Как «старичок Божий» (6, 550) нарисован Филарет Амфитеатров и в лесковском очерке «Архиерейские объезды» (1879), где приведены документальные записи из дневника отца Фоки Струтинского, священника села Гореничи⁴⁹.

Настойчивое подчеркивание «превосходных» человеческих качеств Филарета: «превосходный старец» с «превосходною добротою» — служит выразительным средством художественной идеализации образа. Лесков изящным и нежным сравнением отметил, что доброта — *органическое* свойство этого предстоятеля Церкви: «Он родился с своею добротою, как фиалка с своим запахом, и она была его природою» (6, 458).

Критики цикла не могли не признать, что в нем «попадают замечания, озаренные благодатной красотой»⁵⁰. А. Волынский отмечал: «Когда в Лескове сознание идет навстречу его бессознательному таланту иконописца, он дает выражение мыслям светлым, ярким, боговдохновенным»⁵¹.

Так, эпизоды, связанные с митрополитом киевским Филаретом, художник рисует проникновенно лирично, со светлой улыбкой, которой разряжается мрак его отчаяния при виде церковного «коснения» (10, 329). Святители Русской Православной Церкви, которым присуще «кроткое добротолюбие» (6, 457), наполняют отрадой душу автора. Образ владыки Филарета словно излучает божественное тепло: «Так детски чист и прост был этот добрейший человек, что всякая мелочь из воспоминаний о нем наполняет душу приятнейшею теплотою настоящего добра <...> об этих высоких людях <...> нечего расска-

зывать в апологиях, а достаточно вспомнить ненастным вечером, у домашнего очага, где тело согревается огоньком, а душа тихую беседу о *добром человеке*» (6, 457; 465).

Собирательный образ архиерея как *«настоящего русского человека, знающего Русь как она есть»* (6, 438), создается портретами поистине «высокоблагодатных людей» (6, 432): преосвященного Порфирия Киевского — «очень умного и прямодушного архиерея» (6, 440); благочестивого схимника Парфения,⁵² «с его тихой славой, равной смирению» (6, 463); «красы нашей церковной учености, трудолюбивого Макария Литовского» (6, 447); «ласкового и снисходительного епископа» (6, 480) Неофита; высокопреосвященного Исидора, «которого вообще считают человеком опытным в жизни и благожелательным» (6, 536). Все эти лица «"благоуветливого" характера» (6, 439) удостоверяют наблюдение Лескова о том, что «в числе наших архиереев есть люди замечательного ума и иногда удивительного сердца» (6, 535).

Сконцентрированные во второй части цикла воодушевляющие образы предстоятелей Русской Православной Церкви внушают уверенность в принятии всеми ее служителями «труда о достижении совершенства»⁵³, создают мощный в смысловом и эмоциональном планах повествования завершающий аккорд, выражая идейно-художественную концепцию всей книги. «Поверьте, — убеждает читателя автор "Мелочей...", — что, может быть, ни в какой другой русской среде, особенно в среде так называемых "особ", вы не встретите такого процента людей светлых и вполне доброжелательных, как среди епископов» (6, 502).

Положительные — *лучистые* — образы русского священства, созданные Лесковым, явились противоядием бездуховной суматохе суетной жизни и своеобразным болеутолителем для самого писателя, глубоко страдавшего при виде внутренних церковных нестроений.

Лескову желалось, чтобы обновление в духе Христовой истины пришло через «попов великих» (10, 329), подобных отцу Савелию Туберозову — «бесстрашному протопопу» и горячему проповеднику в романе-хронике «Соборяне». Критикуя «внешнюю» церковность и священнослужителей, не стоящих на должной духовно-нравственной высоте, писатель рассчитывает «на духовных лиц и вообще людей, равнодушествующих к судьбам нашей Церкви». Основной пафос лесковских произведений о Церкви и духовенстве созидательный, «зизждительный».

В очерке «Святительские тени. Любопытное сказание архиерея об архиереях» писатель говорит о необходимости постоять за дело веры, проявить рачение к христианскому просвещению паствы, «вызвать к жизни новые общественные силы, создать Церкви слуг просвещенных и способных понимать настоящие идеалы христианства, которое одно в состоянии обновить "лежащий во грехах мир"»⁵⁴. Писатель ратует за дух и свет Христовой истины, единственно приличествующей «обществу, носящему Христово имя» (10, 411).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. — М.: Гослитиздат, 1956–1958. — Т. 11. — С. 300. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.
2. Зеньковский В. В. Основы христианской философии. — М.: Канон, 1997. — С. 483.
3. Там же. — С. 495.
4. Дунаев М. М. Православные основы русской литературы XIX века. Дисс. в форме научного доклада... докт. филол. наук. — М., 1999. — С. 39–40.

5. Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2-х т. — М.: Худож. лит., 1984. — Т. 1. — С. 57.
6. Лесков Н. С. Дворянский бунт в Добрыньском приходе // Лесков Н. С. Легендарные характеры. — М.: Сов. Россия, 1989. — С. 522.
7. Лесков Н. С. Благоразумный разбойник // Лесков Н. С. О литературе и искусстве. — Л., 1984. — С. 191.
8. Лесков Н. С. <Об отношениях современной светской литературы к литературе духовной> // Лесков Н. С. Полн. собр. соч.: В 30 т. — Т. 1. — М.: ТЕРРА, 1996. — С. 622.
9. Исторический вестник. — 1883. — № 5. — С. 488.
10. Лесков Н. С. Русские демономаны // Лесков Н. С. Русская рознь. Очерки и рассказы (1880 и 1881). — СПб, 1881. — С. 228.
11. См.: Фаресов А. И. Против течений. Н. С. Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем. — СПб., 1904. — С. 81.
12. См.: Псалтырь. — СПб., 1871 (610/73) — книга из личной библиотеки писателя хранится в Доме-музее Н. С. Лескова в Орле.
13. См.: Жизнеописание епископа Игнатия Брянчанинова, составленное его ближайшими учениками в 1881 г. // Игнатий (Брянчанинов), епископ. Сочинения. — Т. 1. Изд. 2. — СПб., 1886. — С. 3–14.
14. Игнатий (Брянчанинов), епископ. Сочинения. — Т. 1. Изд. 2. — СПб., 1886. — С. 553–554.
15. Флоровский Г. Пути русского богословия. — Париж, 1983. — С. 395–396.
16. Лесков Н. С. Корреспонденция (Письмо г. Лескова) // Лесков Н. С. Полн. собр. соч.: В 30 т. — М.: ТЕРРА, 1996. — Т. 1. — С. 149.
17. Лесков Н. С. <О продаже в Киеве Евангелия> // Лесков Н. С. Полн. собр. соч.: В 30 т. — М.: ТЕРРА, 1996. — Т. 1. — С. 147.
18. Быков П. В. Н. С. Лесков. Воспоминания // Всемирная иллюстрация. — 1890. — № 20 (112). — С. 333.
19. Лесков Н. С. Новозаветные евреи (рассказы кстати) // Новь. — 1884. — Т. 1. — С. 72.
20. Заметка была опубликована без подписи в газете «Указатель экономического» (1860. — № 181. — Вып. 25. — С. 437). В очередном номере «Указателя экономического» (1860. — № 186. — Вып. 30. — С. 508) появляется новая неподписанная заметка на ту же тему. С подписью: Николай Лесков — напечатана «Корреспонденция (Письмо г. Лескова)» // Санкт-Петербургские ведомости. — 1860. — № 135. — 21 июня. — С. 699–700. Эта же работа была перепечатана под заглавием «Нечто о продаже Евангелия, киевском книгопродавце Литове и других» // Книжный вестник. — 1860. — №№ 11–12. — С. 105–106.
21. Б. п. // Новое время. — 1890. — № 5139. — 21 июня. — С. 3.
22. Орловский вестник. — 1895. — 25 февраля. — № 52.
23. Лесков Н. С. Засуха // Лесков Н. С. Полн. собр. соч.: В 30 т. — М.: ТЕРРА, 1996. — Т. 1. — С. 112. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием номера страницы.
24. Шмелёв И. С. Богомолье. — М.: Православное слово, 1997. — С. 11.
25. Ильин И. А. О «Богомолье» И. С. Шмелёва // Шмелёв И. С. Богомолье. — М.: Православное слово, 1997. — С. 9–10.
26. См. также незавершенный рассказ Н. С. Лескова «Мадемуазель попая» // Литературное наследство. — Т. 101. — Кн. 1: Неизданный Лесков. — М.: Наследие, 1997. — С. 474–482.
27. Лесков Н. С. О сводных браках и других немощах // Гражданин. — 1875. — № 3. — С. 73. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием номера страницы.

28. Лесков Н. С. Великопостный указ Петра Великого // Исторический вестник. — 1882. — Т. VIII. — С. 234. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием номера страницы.
29. Лесков Н. С. Святительские тени. Любопытное сказание архиерея об архиереях // Лесков Н. С. Легендарные характеры. — М.: Сов. Россия, 1989. — С. 505.
30. Лесков Н. С. Безбожные школы в России // Путь. — 1994. — № 5. — С. 187.
31. Там же. — С. 192.
32. Там же. — С. 191.
33. Там же. — С. 192.
34. Лесков Н. С. Чудеса и знамения. Наблюдения, опыты и заметки // Церковно-общественный вестник. — 1878. — № 28. — С. 3. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием номера страницы.
35. Лесков Н. С. О преподавании Закона Божия в народных школах. — СПб., 1880. Этот лесковский доклад по распоряжению министра просвещения был напечатан в 200-х экземплярах.
36. Лесков Н. С. Патриаршие повадки // Церковно-общественный вестник. — 1877. — № 65. — 12 июня. — С. 3.
37. Лесков Н. С. Священники-врачи и казнохранители // Церковно-общественный вестник. — 1883. — № 51. — С. 3.
38. Лесков Н. С. Несколько слов по поводу записки высокопреосвященного митрополита Арсения о духоборах и других сектах // Гражданин. — 1875. № № 15–16. — 20 апреля.
39. Там же.
40. Запрещенный цензурой 6-й том Собрания сочинений Лескова составили «Захудалый род», «Мелочи архиерейской жизни», «Архиерейские объезды», «Епархиальный суд», «Русское тайнобращение», «Борьба за преобладание», «Райский змей», «Синодальные философы», «Бродяги духовного чина», «Сеничкин яд», «Приключение у Спаса в Наливках» (СПб., 1889). На книге из личной библиотеки писателя имеется особенный лесковский штампель: «редкий экземпляр».
41. Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памяткам: В 2-х т. — М.: Худож. лит., 1989. — Т. 2. — С. 381.
42. Орловский вестник. — 1895. — 25 февраля. — № 52.
43. Сементковский Р. Предисловие // Лесков Н. С. Мелочи архиерейской жизни (картинки с натуры). — 3-е издание. — СПб., 1902. — С. 5.
44. История Орловской епархии и описание церквей, приходов и монастырей. — Орёл, 1899. — С. 911.
45. Орловские архипастыри, архиерейский дом, достопримечательности его, угодья и личный состав. — Орёл, 1901. — С. 17.
46. Лесков Н. С. Мелочи архиерейской жизни. — СПб., 1879. — С. 1.
47. Сементковский Р. Предисловие // Лесков Н. С. Мелочи архиерейской жизни (картинки с натуры). — 3-е изд. — СПб., 1902. — С. 5.
48. Лесков Н. С. Письмо к И. С. Аксакову от 7 ноября 1886 г. // ИРЛИ. — Архив Аксакова. — Ф. 3. — Оп. 4. — Ед. хр. 337.
49. См. также: Мациевич Л. О дневнике священника Фоки Струтинского // Древняя и новая Россия. — 1880. — Т. XVII. — С. 39–51.
50. Волынский А. Литературные заметки. Н. С. Лесков. Статья 5 // Северный вестник. — СПб., 1887. — № 5 (май). — С. 254.
51. Там же. — С. 253.

52. Важно отметить, что двухтомник инок Парфения «Сказания о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой земле» подарил Н. Страхов только что приехавшему из провинции Лескову — с дружеским советом: «углубиться в них, чтобы извлечь из кротких размышлений Парфения многообъемлющую, умиротворяющую правду».
53. Игнатий (Брянчанинов), архимандрит. Письма аскета: Из переписки архимандрита Игнатия Брянчанинова с С. Д. Нечаевым. — СПб.: Сатисъ, 1993. — С. 18.
54. Лесков Н. С. Святительские тени. Любопытное сказание архиерея об архиереях // Лесков Н. С. Легендарные характеры. — М.: Сов. Россия, 1989. — С. 493.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Александр Балтин — поэт, прозаик, эссеист. Родился в 1967 году в Москве. Впервые опубликовался как поэт в 1996 году в журнале «Литературное обозрение», как прозаик — в 2007 году в журнале «Florida» (США). Член Союза писателей Москвы, автор 84 книг (включая Собрание сочинений в 5 томах) и свыше 2000 публикаций в более чем 100 изданиях России, Украины, Беларуси, Казахстана, Молдовы, Италии, Польши, Болгарии, Словакии, Чехии, Германии, Израиля, Эстонии, Ирана, Канады, США. Дважды лауреат международного поэтического конкурса «Пушкинская лира» (США). Лауреат золотой медали творческого клуба «EvilArt». Отмечен наградой Санкт-Петербургского общества Мартина Лютера. Награжден юбилейной медалью портала «Парнас». Номинант премии «Паруса мечты» (Хорватия). Государственный стипендиат Союза писателей Москвы. Почетный сотрудник Финансовой Академии при Правительстве РФ. Стихи переведены на итальянский и польский языки. В 2013 году вышла книга «Вокруг Александра Балтина», посвященная творчеству писателя.

Александр Вейцман — поэт, прозаик, эссеист, переводчик. Родился в 1979 году в Москве. Окончил Гарвардский и Йельский университеты. Автор нескольких книг и более 50 публикаций в журналах. Член редколлегии журнала «Интерпоэзия» (секция переводов). Директор переводческой премии Компас (2011–2017). Живет в Нью-Йорке.

Ольга Ефимова — поэт, прозаик, литературный критик. Окончила экономический факультет МГПУ по специальности «менеджмент в сфере образования». Публиковалась в журналах «Урал», «Наш современник», «Дети Ра», «Цветные строчки», «Зинзивер», «День и Ночь», «Зарубежные записки», альманахе «День поэзии», газетах «Экслибрис НГ», «Литературные известия», «Поэтоград». Родилась и живет в Москве. Работает в Союзе писателей XXI века.

Сергей Каратов — поэт. Автор многих поэтических сборников. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького, публиковался в журналах «Новый мир», «Юность», «Смена», «Дети Ра». Член Союза писателей СССР с 1983 года. Член Союза писателей XXI века. Живет в Москве.

Ольга Любимова (Алиса Гринько) — прозаик, эссеист. Родилась в Москве. Окончила Московский авиационный институт, работала по специальности. В 1990 г. в издательстве «Советский писатель» вышла первая книжка рассказов «Где кончается небо» под псевдонимом О. Любимова. В 1999 году переехала на постоянное место жительства в Израиль. За последние 22 года было издано восемь сборников рассказов и девять романов из жанра историко-художественной прозы под тем же псевдонимом. Является гражданкой России и Израиля, членом Московского городского отделения Союза писателей России, Союза писателей XXI века, Союза русскоязычных писателей Израиля и Интернационального Союза писателей. Постоянный автор издательства «Вест-Консалтинг».

Евгений Степанов — поэт, прозаик, публицист, издатель, кинорежиссер, автор фильмов «Христос-Человечество» и «Основной вопрос». Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатается с 1981 года. Публиковался в центральной периодике. Автор нескольких книг стихов, вышедших в России, США, Болгарии, Румынии, Венгрии, а также книг прозы и научных монографий. Главный редактор журналов «Зарубежные записки», «Дети Ра», газеты «Литературные известия» и портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига «Литературной газеты» и премии журнала «Нева». Руководитель Союза писателей XXI века и издательства «Вест-Консалтинг». Живет в Москве и поселке Быково (Московская область).

Алла Новикова-Строганова — доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России (Москва), историк литературы.

Валерий Сухов — поэт. Член Союза писателей России, редактор отдела поэзии журнала «Сура», автор пяти поэтических сборников и публикаций в «Литературной газете», в журналах «Сура», «Молодая гвардия», «Подъем», «Русское эхо», «Простор», «Аргамак», «Нижний Новгород», «День и ночь», «Волга XXI век», «Белая скала», «Второй Петербург», в альманахах «Литкузница», «Царицын», «День поэзии XXI век». Лауреат Всероссийской премии имени М. Ю. Лермонтова, Международной премии имени С. А. Есенина «О Русь, взмахни крылами...», Всероссийского поэтического конкурса им. Сергея Есенина, Всероссийской премии имени Бориса Корнилова «На встречу дня!». Живет в Пензе.

Татьяна Янковская — прозаик. Родилась в Ленинграде. Окончила химический факультет Ленинградского государственного университета. С 1981 года живет в США. Публиковалась в «Литературной газете», журналах «Зарубежные записки», «Зинзивер», «Нева», «Слово/Word», «Вестник», «Чайка» (США), «Время искать» (Израиль), «Континент» (Франция) и других. Лауреат нескольких международных литературных конкурсов. Член Союза писателей XXI века.

Тираж 500 экз.
Отпечатано
в ООО «Вест-Консалтинг»,
115230, г. Москва,
Хлебозаводский проезд, д.7, стр.9, эт.7, пом. XIV, ком.12